

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ
СЛЕПЦЫ

FUTURE CORP.

Метро

Дмитрий Ермаков

Слепцы

«АСТ»

2013

Ермаков Д. С.

Слепцы / Д. С. Ермаков — «АСТ», 2013 — (Метро)

ISBN 978-5-17-081880-8

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Здесь нет солнца и ветра. Снега и дождя. Дня и ночи. Здесь растут только грибы и плесень, да еще причудливые «каменные цветы» – геликтиты. Здесь очень трудно добыть пищу и практически не из чего сделать орудие труда или одежду. Здесь НЕВОЗМОЖНО ВЫЖИТЬ. И все же, когда Землю опалил ядерный огонь Последней войны и на поверхности планеты не осталось безопасных мест, они нашли спасение именно здесь. В толще холодного, равнодушного камня. В царстве мрака и тишины...

ISBN 978-5-17-081880-8

© Ермаков Д. С., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Ермаков

Слепцы

© Д.А. Глуховский, 2013

© Д.С. Ермаков, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Как пусто в душе
Без миражей, без волшебства.
Мы здесь лишь на миг,
Пусть он звучит,
Словно слова молитвы...*
Би-2. «Молитва»

Пролог

Жаль, нет ружья.

До сих пор вспоминаю, как мы обнаружили на стене полуразрушенного здания загадочную надпись, неведомо кем и для чего сделанную. Всего три слова: «Жаль, нет ружья». Может быть, попавший в беду путник написал их в порыве отчаяния? Или это своего рода предостережение? Или просто кто-то пошутил? Тогда я не придавал значения этому происшествию. Но сейчас, когда мы вступили в самую гущу подлеска, огромные красные буквы стоят перед глазами, и я повторяю снова и снова свистящим шепотом: «Жаль, нет ружья...»¹

И пистолета нет. А что есть? Есть скафандры «Спарх-2М» с запасом кислорода и электричества на два дня. Еще длинные, остро заточенные ножи да потрепанная карта, на которой красной точкой отмечена конечная цель нашего пути.

Город Сочи...

«В городе Сочи – темные ночи». Герман Буданов, царство ему небесное, любил повторять эти слова.

Темные ночи... А еще там горячая пища и теплые постели. Надежные, мощные стены гигантского убежища². Если смотреть по карте – ерунда, рукой подать. Соседи. Одна нога здесь – другая там.

Ага. Гладко было на бумаге, да забыли про, мать их, овраги. И про бурелом. И про болота.

Заросли обступают со всех сторон. Они такие густые, что заметить опасность невозможно при всем желании. А вот само здание церкви растения почему-то не оплели. Очень странно. Они его как будто сторонятся. Интересная загадка. Потом, может быть, поломаю над ней голову.

Подкрадываюсь к длинному узкому окошку и осторожно выглядываю наружу. Отличное место – церковь. Стены толстые, дверной проем узкий, окна – словно бойницы и расположены со всех сторон. Боком, вдоль стенки пробираюсь к другому окошку, выходящему на север.

Ничего страшного не видно.

Тусклый сумрачный свет, скупое, по капле сочащийся с небес, почти не проникает сюда, и кажется, что сейчас – вечер. С другой стороны... С другой стороны, пес его знает, вечер на улице, утро или день.

Что я вообще знаю наверняка? Только одно: за нами следят.

С тех пор, как мы покинули исчерпавшее ресурсы убежище и двинулись в путь, ни на миг не покидает ощущение, будто в затылок смотрят чьи-то глаза. Пристально смотрят. Недобро.

Бывают моменты, когда ощущение опасности, затаившейся за спиной, становится невыносимым. Как будто кто-то воткнул в череп сверло и медленно, смакуя мои мучения, ввинчивает его все глубже и глубже. Стоит обернуться – и ощущение угрозы тут же исчезает, но проходит пара минут, и снова неумолимый, неутомимый преследователь на своем посту.

На рукаве скафандра закреплено специальное зеркальце, чтобы глядеть назад. И вот я полдороги прошагал как дурак, задрал руку. Хотя в невесомости, наверное, очень удобно. Жаль, не довелось проверить.

Косу бы сюда. А лучше – огнемёт: спалить, выжечь к едрене фене древовидные кусты! В этом адском лесу даже деревьев нормальных нет. Почти нет. Они все сгорели двадцать лет назад, на их месте вырос непроходимый бурьян в три человеческих роста. А на земле – непролазный бурелом, ноги застревают, точно в капкане. Колючие, уродливые ветки, утыканные

¹ Из песни «Жаль, нет ружья» группы «Король и шут»

² Сочи-2033 описан в рассказе Льва Рыжкова «Спрутобой», опубликованном в сборнике рассказов «Метро 2033: Последнее убежище» (Москва: Астрель, 2012).

гигантскими шипами, сплетаются местами до такой степени, что превращаются в сплошную стену. Ну и лес, дьявол его побери. Напалма бы сюда. И пронесемся мы тогда сквозь джунгли с ветерком, прямо в дружеские объятия сочинцев... Но нет огнемета. И напалма нет. Прокладывать путь приходится ножами. Что имеем в итоге? За два часа пройдена сотая часть пути. Да еще и остановку пришлось сделать, когда Света упала и прошептала чуть слышно, что больше не в силах сделать ни шагу.

Бедняга. Представляю, каково ей. Чертовы скафандры.

Со вздохом опускаюсь на каменный пол. Дам себе и Свете еще пять минут отдыха. Потом подниму ее, и мы продолжим путь. Обязательно продолжим. Мы дойдем...

Глаза начинают слипаться.

Нет! Не спать! Бороться со сном!

Напрасно. Природа, мать наша, берет свое. Голова склоняется ниже, ниже... И последнее, что я успеваю увидеть, это темный силуэт, загородивший на миг дверной проем храма.

Что?!

В тот же миг подпрыгиваю, словно ошпаренный. Не спать, обедом станешь!

Вот я уже на пороге.

Никого. Только шевелятся на ветру кроны самых высоких кустов, да лениво раскачиваются туда-сюда лианы, похожие на гигантских змей. Никаких чудовищ. Никаких следов. Но я же точно видел – кто-то там стоял!

Решено: уходим. Сидим мы в укрытии или прорываемся сквозь джунгли, какая разница. Захотят убить – убьют. Верно? Верно.

А предосторожности... Как можно предостеречься неизвестно от чего? Наша задача – двигаться вперед. И точка.

Эта мысль приносит странное, почти наркотическое облегчение. Лишь два стальных штыря все так же медленно, безжалостно сверлят мой затылок. И как ему не надоест? Хочешь поиграть в гляделки, чертов ублюдок?! Что ж, поиграем.

Часть первая

Сонное царство

Глава 1

Бум жить

Дурманящее оцепенение окутывало разум и чувства. Медленно, но упорно, преодолевая яростное сопротивление, подчиняло волю, сковывало мышцы мягкими, прочными оковами. И все же человек еще боролся. С каждым рывком погружался он глубже и глубже в невидимую трясиину, но продолжал барахтаться.

Последним усилием сбросив на миг бархатные путы, человек занес оружие в отчаянной надежде разрушить, уничтожить клубящееся вокруг зло. Из груди вырвался могучий крик. Яростный рев, в который человек вложил всю боль, ужас и страдания, выпавшие на его долю.

– НЕ-Е-ЕТ!!! – разнесло по пещерам раскатистое эхо.

А перекошенные, сведенные судорогой губы успели прошептать прежде, чем мрак окутал рассудок человека:

– Свобода...

* * *

Кап. Кап.

Другого шума не услышать в лабиринте подземных ходов и залов. Это – царство безмолвия. И робкий, грустный звук падающих с потолка капель тишину не нарушает – за столько лет он слился с нею, стал ее частью.

Кап. Кап.

Первозданный мрак царит в карстовых пещерах. Он вечен, как небо, как земля, как ветер. Он безбрежен, точно морская пучина. Но даже на дне самой глубокой впадины все же не так темно, как здесь, под землей. И так же, как дно океана, пещера не пуста. Здесь существует испокон веков свой мир. Суровый мир, холодный...

Прекрасный.

Там, куда падают капельки, век за веком растут фантастические цветы, злобные драконы, свадебные торты, колонны, обвитые плющом. Красота эта не предназначена для чьих-то глаз. Точно собака на сене, природа не позволяет ни единому живому существу любоваться той величественной, грозной красотой, которую кропотливо создает многие тысячи лет.

Кап. Кап.

Каждая капелька добавляет свой штрих, свой мазок. Каким бы совершенным ни было творение, работа продолжается. Бесконечной чередой падают крохотные «скульпторы» с потолка. Долгий путь проделывает вода сквозь сотни слоев горных пород, какие-то капли просачиваются медленнее, какие-то быстрее, но финал путешествия у всех одинаков: разлететься в пыль и стать частью подземного озера, чтобы потом вернуться однажды наверх, в атмосферу. И цикл этот не нарушается миллионы лет.

Внезапно в очередной капле, висящей на кончике гигантской каменной сосульки-сталактита, отражается луч света. Это длится всего лишь мгновение, потом крохотная призма падает вниз. Вот на место сестры-близняшки сползает новая капля, и она тоже ловит слабый лучик.

Свет, чуждый этому миру так же, как тепло или жизнь, все же нашел лазейку. Он трепещет, он дрожит, точно сам осознает, насколько неуместен здесь, в царстве тьмы. Но не гаснет.

Из крохотной щелочки, пересекающей каменную глыбу, берет начало мерцающее сияние. Не ветер и не вода проделали отверстие в стене, проложив путь из одного мира в другой, а руки. Человеческие руки. То ли в порыве отчаяния, то ли в припадке безумия кто-то пробивался через каменную перегородку, долбил, сверлил, крошил неподатливый камень. Страшно представить, сколько труда положили неизвестные каменотесы, вгрызаясь в гранитный монолит. Но, что удивительнее всего, в тот момент, когда до цели оставались считанные сантиметры, работа была брошена.

И лишь цепочка следов, отпечатавшихся на сырой глине, напоминает о том, что когда-то тут побывали люди.

* * *

Человек открывал глаза. Закрывал. Открывал опять.

Ничего не менялось. Беспросветный мрак царил как снаружи, так и внутри.

Человек не имел понятия о том, что такое тьма и свет, запад и восток, вода и пища. Он ничего не понимал и не осознавал. Он трясся и ежился от пробиравшего до костей мороза, но не мог назвать это «холодом».

Уши человека не улавливали никаких звуков, кроме стука собственного сердца, но он не знал, что это – «тишина». Слова словно вылетели из памяти человека. Понятия, которыми так легко пользоваться, познавая окружающий мир, исчезли, улетучились, оставив после себя лишь давящую, гнетущую пустоту. Слух, осязание, обоняние и прочие чувства оказались бессильны и бесполезны. Они могли многое сообщить своему владельцу о том, что окружало его, но человек не слышал сам себя. И ничего не предпринимал.

Мозг его напоминал растерявшегося командира, не способного больше руководить вверенными ему людьми. Могучие мускулы, точно верные солдаты, терпеливо ожидали указаний; глядели с надеждой на того, кто всегда направлял их и удерживал от ошибок.

Так шли минуты. Тело человека мерзло все сильнее. Смертельный холод сковывал его члены, медленно, но верно подбирался к сердцу. Еще немного – и жизнь этого существа, то ли умиравшего, то ли рождавшегося заново, оборвалась бы окончательно.

Вдруг руки и ноги человека зашевелились. Согнулись локти, потом колени. И вот уже, с трудом приподнявшись и встав на четвереньки, он пополз вперед. Сквозь темноту. Прочь от того места, где очнулся.

Помертвевший разум не управлял телом, но оно двигалось. Двигалось... Само.

Каждый рывок давался с огромным трудом, как будто кто-то заковал тело человека в рыцарские доспехи или обвешал тяжелыми грузами. Затекшие, окоченевшие мускулы едва слушались. Но и остановиться он не мог. Кто-то тащил человека за собой. Гнал, понукал, не давал остановиться и повторял снова и снова: «Вперед! Остановишься – умрешь».

Приказ этот не слышали уши, но зато ощущала каждая клеточка тела, борющегося с ледяным дыханием смерти.

Точно младший офицер, который, нарушая все правила и уставы, отстраняет запаниковавшего командира и спасает армию от гибели, инстинкт самосохранения спас человека; подхватил и снова поднял почти упавшее на землю знамя. Собрал, построил и поднял в атаку поникшее войско...

– Вперед! Вперед! – подгонял его суровый проводник.

Мечущийся во мраке человек уже понимал, что такое темнота, холод и сырость. Теперь он мог найти слова, чтобы описать то, что ощущал.

Но все, что касалось лично его, скрывала завеса тьмы, рассеять которую не удавалось. Мысль его словно замирала на краю бездонной пропасти. В нерешительности топталась она на границе изведанной земли, то вроде бы собираясь с духом для рывка вперед, то снова отступая.

Слезы начали наворачиваться на глаза человека, но в последний момент он все же сумел взять себя в руки. Он высморкался, вытер грубой, жесткой перчаткой лицо.

– Хватит плакать. Будь мужиком! – обругал себя человек и тут же застыл с приоткрытым ртом.

Больше всего угнетал человека тот факт, что он не знал, как к себе обращаться. И вот показалось на миг, что имя вот-вот вспомнится. Напрасно. Память была уничтожена, часть мозга будто бы выжгли или вырезали. Надежда, что ускользнувшее имя удастся ухватить за хвост, быстро погасла. Но осталась уверенность: еще два, три шага – и настоящее имя вспомнится.

– Будь мужиком. Бу-м... Звучит, черт побери. Звучит! – радостно улыбаясь, он повторил еще несколько раз, меняя интонацию: – Бум! Бу-ум! Бум жить...

Попытка встать в полный рост не удалась.

Силы не успели восстановиться, да и ноги разгибались с огромным трудом. Зато, подняв руку, Бум нащупал нечто, что он условно назвал «потолком». Измерить расстояние от одной стены до другой тоже не составило труда. Заодно он выяснил, что стены ближе кверху смыкаются. А еще через пять минут Бум уже примерно понял, где очутился.

– Это же... Же... Железная дорога. Кажется, так называется, – прошептал Бум. – Что еще это м-может быть... Вот и рельсы. Но дорога к-куда? И отк-куда? И почему тут т-так темно? И х-холодно?

Вопросы снова кинулись на него со всех сторон, точно стая хищных чудовищ. Но терять время на поиск ответов Бум не стал. Помотав головой, чтобы прогнать назойливые вопросы, он двинулся дальше.

– Потом разберемся, сейчас не время. Вперед, вперед...

И очень скоро старания его были вознаграждены.

Бум почувствовал, что дышать стало намного легче. К тому же он ощущал движение воздуха. Не оставалось сомнений: где-то впереди один туннель соединяется с другим.

* * *

Страшно. Холодно. Темнота раздражает и пугает.

Она такая густая и плотная. Я словно пробираюсь через бесконечный ряд опущенных темных занавесов. И вот уже я в самом деле ощущаю на лице легкие, воздушные прикосновения.

Или это не ткани, а пальцы?

– Не трогайте, отстаньте, – начинаю отмахиваться я.

Да-да, так и есть. Я ползу сквозь рой крохотных крылатых человечков. С беззвучным смехом кружатся они вокруг, забираются в волосы, в ноздри, теребят уши.

– Пошли прочь! – Я со всей силы бью кулаком по шпале, и феи тотчас исчезают.

Это бред. Просто бред. Нет никаких фей. Но на душе становится лишь тревожнее.

Ни рассудок, ни органы чувств никак не могут приспособиться к темноте. Кажется, что достаточно просто открыть глаза – и все станет видно, и не придется двигаться на ощупь, время от времени протягивая руку, чтобы не разбить голову. И так я в самом начале пути успел обзавестись парой (ох!) болезненных шишек на макушке, теперь голову надо беречь.

Вот она наконец. Развилка.

Несколько минут уходят на то, чтобы ощупать все вокруг. Только это мне и остается. Можно попробовать обнюхать, но мало толку. Да и нос почти ничего не ощущает – заложило.

– Ай!

Поздравляю себя с новой шишкой. Зато появилась ясность относительно того, что вокруг. Это плюс. Я ложусь, привалившись к стене туннеля. Здесь немного теплее, ощущается движение воздуха. Можно позволить себе небольшую передышку и подумать, куда двигаться дальше.

Новый туннель имеет сильный уклон. Рельсы уходят куда-то... Вниз. В темноту. Правда, с другой стороны тоже нет ничего, кроме тьмы.

Куда же дальше? Вверх? Вниз? Может, сначала в одну сторону ткнуться, потом в другую? Но вернусь ли я обратно, Бог знает.

Я помянул Бога машинально, мимоходом. Но тут же вернулся опять к этой мысли:

– Кстати. Кстати-кстати. Уж кто точно знает, так это Он. Эх, жаль, я молитв не помню никаких. Да и верю ли я вообще в Него?..

Минуты идут. Ноги опять начинают замерзать. Хуже не будет. Попытка не пытка. Кряхтя и отдуваясь, я встаю на колени, кое-как складываю пальцы в щепоть и начинаю шептать чуть слышно:

– Господи, помоги. Не дай погибнуть. Господи, дай мне знак. Господи!..

Что это?

Я слышу какой-то... Звук. Не могу дать ему название, но одно ясно: в этот раз я не брежу. Там, внизу, кто-то или что-то есть. А это что такое? Свет? Точно, свет! Очень, очень далеко отсюда. Свет слабый, едва заметная искорка. Но она не гаснет. Горит ровно.

Спрятаться, затаиться? Или двинуться навстречу свету?

Колебание было кратким.

– Свет лучше, чем тьма. Вставай и вперед.

С огромным трудом поднимаюсь на ноги. Позвоночник распрямляется так медленно и неохотно, как будто он задеревенел. Ничего, мелочи жизни.

Смело вперед!

К свету.

Глава 2

Люди

Сладкое, волшебное, ни с чем не сравнимое блаженство – видеть, что я не одинок, что даже в этом странном, мрачном месте обитают живые существа, такие же, как я. И что у них есть свет.

– Почему ты решил, что там именно люди? – всплывает в голове неприятный вопрос, но я отмахиваюсь от него.

Кто еще мог зажечь этот свет? Только люди, больше некому.

Дрожь волнами пробегает по телу. Мышцы подрагивают от волнения. Крупные капли пота скользят по лбу, по спине. Волосы встают дыбом. Нет, я не боюсь! Я не боюсь, не боюсь... Вот так. Не боюсь.

С каждым шагом ощущаю, как по телу разливается приятное, бодрящее тепло.

Одного лишь я боюсь: что слабая искорка, манящая меня к себе, погаснет, и я снова окажусь во мраке. Один. Но пока свет горит. Бум надеяться, что и не погаснет.

Туннель, до этого почти все время круто спускавшийся вниз, стал ровным и прямым. Нос чешется, хочется чихнуть. Никак не могу привыкнуть к запаху сырости и плесени. А вот промозглого, влажного холода, который еще недавно пробирал до костей, больше не ощущается. Наверное, рядом есть источник тепла. И свет становится все ярче и ярче.

– Еще немного, и я у цели. Еще немного. Еще немного.

Р-р-р! Мои ноги словно бы живут своей жизнью. Мозг твердо решил добраться до источника света, а вот тело приходится уговаривать. Особенно сильно протестуют ноги.

– Ну, давайте, родимые. За маму. Шаг. За папу. Шаг. Если они у меня, конечно, есть. За дядю. За тетю. За бра...

Добрался.

Туннель, начавший казаться бесконечным, кончился. Низкие своды резко раздалились в стороны.

Я вижу перед собой просторный зал. Ну как, просторный... В сравнении с туннелем. Стены и потолок покрыты узорами. Тут и там в стены вмонтированы изящные украшения, на которых, присмотревшись, я различаю силуэты каких-то рогатых существ. Маленькие, словно бы игрушечные рельсы почти на одной высоте с низкой, узкой платформой. Какая-то ниша в стене. Наверное, ход в соседнее помещение. Надо будет проверить. Туннель с другой стороны помещения продолжается. Туда уводят рельсы; там снова клубится чернильный сумрак...

Только люди могли построить все это. Правда, их самих тут нет. Зато есть светильник. Вот он, стоит посреди зала, воткнутый в пол. Очень странная штука. Длинный, сужающийся кверху предмет, излучающий неровное, пульсирующее сияние. Я медленно приближаюсь, внимательно разглядывая светильник.

Что за чудо? Одна искорка отделяется от общей массы. Но не падает, а начинает выплывать странные пируэты в воздухе.

– Так он... Живой?! – произношу я вслух.

Светильник, словно бы испуганный звуком моего голоса, вспыхивает ярче. В помещении сразу становится светлее. И теперь я вижу детали, до этого прятавшиеся в полумраке.

Стены, потолок станции, пол, пути – вообще все кругом покрывают смазанные, потемневшие от времени пятна. Странные какие-то «узоры». Очень уж это похоже на...

В дальнем конце станции я вижу груды костей. Десятки, сотни костей. Звери, что ли? Рыбы? Нет... Человеческие. Конечности, ребра, черепа. Раздробленные, изуродованные... Ни одной целой косточки.

И тут я понимаю, что это за рисунки на стенах, на потолке, на полу. Это кровь. Кровь! Кровь, куда ни посмотри. Она везде! Везде! Везде!

В смутных тенях, что трепещут в углах, я вижу тени тех ужасов, что когда-то творились тут. Перекошенные, изуродованные тела. Кривые руки, тянущиеся в тщетной мольбе о пощаде. – Господи Иисусе!!!

В панике кидаюсь я туда, где зияет в стене правильной формы отверстие. Все равно, куда бежать. Лишь бы подальше. Лишь бы спастись от этого кошмара.

Бежать! Бежать!

Но не успеваю сделать и пары шагов, как навстречу из дверного проема появляется рослая человеческая фигура. Настоящий великан. Могучий, широкоплечий. Выше меня на голову. Вышел из непроницаемого мрака так стремительно, точно возник прямо из воздуха. В руке гигант сжимает длинный, заостренный на конце предмет.

Я отскакиваю назад, вжимаюсь в стену и с ужасом смотрю, как со всех сторон появляются новые и новые люди.

Попался.

Из-за спины великана возникает сначала один вооруженный человек, потом второй. Еще два темных силуэта с копьями вырываются из туннеля. Невероятно! Как я мог не заметить, что они идут за мной?! Как могли они двигаться так тихо, что ничем не выдали своего присутствия?! Лишь секунду спустя я понимаю, что это другой туннель.

Слабый повод для радости.

Я попался.

Они стоят полукругом. Пять темных силуэтов. Хозяева этого места. Хозяева и стражи.

Появившиеся из мрака люди чуть не разорвали меня в клочья.

С рычанием, брызжа пеной от ярости, двинулись они в бой. Великан насилу остановил их. Пощадил? Или придумывает участь пострашнее?..

Они крепкие, коренастые. Их тела прикрывают густые черные волосы; мускулистые торсы облачены в грубые куртки и юбки, сшитые из звериных шкур. Здоровые ребята... Сразу видно: бойцы. Правда, один, крайний справа, вроде бы чуть слабее товарищей. Если попытаться повалить его на пол... Нет. Их слишком много.

Отставить панику, Бум. Думай. Тут не кулаками, тут головой работать надо. Головой. Боднуть, например, великана в грудь. Хорошо так, макушкой... Нет, тоже не годится.

Минута идет за минутой. Никто не издает ни звука. Живая свеча тоже горит беззвучно. Игра в «гляделки» становится невыносимой.

Сейчас в самом деле бодну.

Наконец великан, держащий свечу, делает шаг вперед. Очень странный человек. Голова у него какая-то... Прямоугольная. Как будто ее сплющило сверху и с боков. Смерив меня цепким, пронизательным взглядом, дикарь произносит всего два слова:

– Кто ты?

В первый момент я слегка расслабляюсь. Даже ощущаю радость, что мне задали такой простой вопрос. Но, уже открыв рот, чтобы ответить, понимаю, что говорить нечего.

Что говорить? Что говорить?! «Я не помню своего имени, я не знаю, кто я и откуда»? Назваться Бумом? Чего доброго, за сумасшедшего примут.

Но отвечать не приходится. Человек, стоящий справа от вождя – а я уже не сомневаюсь, что именно этот гигант тут главный, – рычит:

– Чё тянуть?! Смерть ублюдку!

Страшный человек. Они все, судя по глазам, готовы разорвать меня на части, но этот... Этот в воображении уже, наверное, расчленил меня и схарчил.

И остальные поддерживают:

– Смерть миротворцу!

Мать моя женщина, ну и взгляды,! В них такая ненависть, такая злоба... Что я сделал им? Что?!

– Молчать, Алекс. Мы не имеем права на ошибку, – обрывает их вожак. Вроде бы тихо говорит. Не повышая голоса. Но люди мигом замолкают. Кроме Алекса.

– Вот именно! – кричит мой главный доброжелатель. – Сначала завалим гада. А потом разберемся. Если чё, извинимся, гы-ы!

– Разве вождь племени уже ты, а, Лёшенька? – тихо спрашивает великан.

Алекс бледнеет.

– А вот за «Лёшеньку» ты мне еще ответишь, вождь...

Этот спор отвлекает внимание от меня. Все взгляды сосредоточились на перекошенной от злости физиономии Алекса и холодном, будто высеченном из камня, лице вождя.

Сейчас или никогда.

– Сейчас!

Со всей силы толкаю самого слабого на вид врага, кидаюсь к груде человеческих скелетов, выхватываю увесистую кость и отскакиваю к стене.

– Минус один, – шепчу я, оглядывая поле боя.

Удар получился великолепный. Тот человек, которого я толкнул, лежит без движения. Осталось четверо. Я ожидал, что дикари сразу скопом кинутся в атаку. Но они поступают иначе: рассыпались по залу и теперь медленно, осторожно приближаются. Шаг – остановка. Шаг – остановка.

– Не надо. Не надо, пожалуйста, – говорит их вождь, вытянув руку в успокаивающем жесте.

Но я лишь сжимаю крепче нехитрое оружие. Он, может, и правда не хочет моей смерти. А вот остальные – еще как. И что-то плохо они подчиняются своему главарю. Расстояние между мной и врагами сокращается до десятка шагов. Сейчас кинутся. Ну что ж, посмотрим, чья возьмет.

Краем глаза засекаю движение. Тот, кого я вроде бы вывел из боя, с трудом привстает. Дотягивается до светильника. Потом отрывисто вскрикивает, несколько раз взмахнув свечой, подбрасывает ее в воздух...

– Ничего себе! – шепчу я и роняю кость.

Мерцающие огоньки, покрывавшие длинную тонкую палку, мелькают, шелестя крохотными крылышками, а потом... разлетаются во все стороны. Волшебное, чарующее зрелище. В торжественной тишине кружатся сияющие шарики – в одиночку, парами и небольшими группами. То собираются вместе, то вновь рассеиваются под потолком, заливая помещение мягким, сказочным светом.

– Ничего себе! – не веря глазам, гляжу на хоровод живых огней, кружащихся под сводом станции.

Я отвлекаюсь лишь на пару мгновений, но этого оказывается достаточно: мои враги кидаются в атаку. Первым ко мне подбегает Алекс. Волосы его стоят дыбом, глаза горят, лицо искажено ужасной гримасой. Он замахивается костью, и прежде, чем я успеваю сгруппироваться или поставить блок, со страшной силой бьет ею меня по голове.

Взрыв искр в глазах!

А потом – тишина... И темнота.

Глава 3

Пленники

Сколько времени я пробыл без сознания?

Сложно сказать.

Может, несколько минут. А может, несколько часов.

Состояние, в котором я пребывал, сложно описать словами. Это было что-то наподобие невесомости. Тело мое словно падало сквозь пустоту. Ватная тишина окутывала меня. Не было ни мыслей, ни ощущений. Приятное состояние. Когда я вновь обрел способность думать и чувствовать, даже слегка расстроился.

– Опять холод. Опять сырость и затхлость. Надоело... – вздыхаю я, пытаюсь приподняться. Нелегкая задача, если ни одна мышца не желает шевелиться. Но двигаться необходимо. Иначе замерзну.

Так, куда меня занесло в этот раз? Пещера. Очень маленькая. Во весь рост не встать – стукнусь макушкой. А на голове у меня и так живого места нет. Выход загораживает массивная дверь. Открыть ее не получилось, несмотря на все старания. На чем она держится – не могу понять. Возможно, есть другие выходы. Надо будет поискать.

– Может, я сплю? – бросив возиться с дверью, усаживаюсь на пол. Пытаюсь собраться с мыслями. Мысли на собрание не спешат.

Стоп. А это еще что? Я слышу звук, похожий на человеческий стон.

– Это галлюцинация, Бум. Как и феи. А ты и так уже попал в переплет. Не поддавайся, – затыкаю я уши.

Но звук повторяется снова и снова. Теперь не остается сомнений – кто-то зовет меня. Нет, делать вид, что я ничего не слышу, не получится. Я встаю на ноги и направляюсь в ту сторону, откуда звучат стоны. И застываю в недоумении.

В углу пещеры среди груды причудливых каменных столбиков лежит человек. Женщина. Одежда изорвана в лохмотья. На теле синяки. Бедняга. Ей досталось даже больше, чем мне.

Кстати, чем это воняет? Я принохиваюсь. Почти сразу, как только я очнулся, заметил странный неприятный запах, примешивающийся к «аромату» затхлости и сырости, но только сейчас понял, что это воняю я сам. Сильнее всего несет потом. И грязью. Давно ощущаю противную чесотку по всему телу. Унять ее нет никакой возможности, мешает грубый плотный материал. Остается терпеть, стиснув зубы, и надеяться, что скоро мне удастся выбраться из «кокона». Так я про себя решил называть тяжелый, громоздкий комбинезон. Однако к запаху немытого тела добавляется еще какой-то...

Втягиваю носом воздух. Неужели?..

– А-а-а!!! Я что... Обоссался прямо туда?! Чер-р-рт!

Но не успеваю я понять, чем это пахнет, не успеваю толком из-за этого рассердиться, как ярость и отвращение рассеиваются.

Человек, лежавший среди скальных обломков, снова стонет. Потом шевелится. Протягивается тонкая рука, хватается за камень, и вот я наконец могу хорошенько рассмотреть свою подругу по несчастью. Она худая. Бледная. Видно, что сильно измождена. Коротко стриженные волосы светло-каштанового цвета обрамляют изящное лицо, широкое в скулах и резко сужающееся к подбородку. Строгие глаза внимательно смотрят на меня из-под слегка прищуренных бровей. Необычные глаза, лишённые радужной оболочки – только белки и невероятно большие темные зрачки. Взглянешь в них раз, и оторваться уже невозможно. Они зачаровывают, притягивают, гипнотизируют.

Несколько минут мы молча смотрим друг на друга.

Наконец незнакомка произносит тихо, но отчетливо:

– Здравствуйте, господин Буданов.

* * *

Лада начинала думать, что попала в один из своих ночных кошмаров.

Все тело невыносимо чесалось. К горлу подступала тошнота. Холод, с которым Лада всегда боролась одним проверенным способом: движением, – добрался наконец до ее тела. Пальцы уже заledenели. Руки, ноги, поясница мерзли все сильнее. Да еще и неудобная поза, в которой лежала Лада, добавляла мучений: тело затекло от долгого лежания, кости ныли, острые камни и наросты впивались в бока.

А ее сосед все никак не приходил в себя. Наконец терпение женщины лопнуло. Лада схватилась рукой за ближайший сталактит. Собралась с силами. Напрягла мышцы и начала медленно подниматься с пола. Но в этот момент чудо все же случилось.

– Где я? Что со мной? – услышала Лада взволнованный мужской голос.

* * *

– Кто – господин Буданов? – оглядываюсь я.

– Вы.

– С чего ты взяла?

– Это написано на вашей одежде.

Я поспешно открываю зеркальце, укрепленное на рукаве комбинезона. Обнаружил его недавно. Назначение его для меня загадка, но, вынужден признать, удобная вещь. Без него я бы не смог посмотреть на грудь и живот – мешает широкий ворот костюма. Так. Что тут. Трубки какие-то... Три буквы: «А. К. Р». Не знаю, что они значат. Дальше какой-то странный рисунок. Белый конус на синем фоне. Ага, вот оно. Нашивка с буквами.

– Во-на-дуб Нам-рег, – прочел я.

Вонадуб?!

Что за ерунда. Ах, точно. Это же зеркало. Так, читаем наоборот:

– Гер-ман Бу-да-нов.

И незнакомка назвала меня так. Все сходится.

Герман... Имя. Мое. Настоящее. Щеки мои, только что имевшие пунцовый оттенок, побледнели. Лицо вытянулось. Челюсть вывалилась.

Герман.

Теперь я знаю свое имя. А как же... А как же Бум? Уже ведь успел привыкнуть... Но что делать. Придется нам расставаться. Не держи зла, Бум. Приятно было познакомиться. Ладно. Хватит терять время. Сейчас я смогу наконец узнать, где я оказался.

– А... А ты кто? – спрашиваю я.

– Меня зовут Лада. Я из племени пещерных, – отвечает она. – Меня поймали каннибалы.

«Лада из племени пещерных, хех. Звучит прямо как фраза из сказки. Отбой, Бум. Не о том думаешь. Каннибалы... Так вот оно что».

Я и сам догадывался, что те волосатые жрут человечину. Откуда иначе взялись бы кости. И кровища. К тому же, мои видения... Все сходится.

– А вы кто? Вы ми-миротворец? – этот вопрос, судя по всему, она давно хотела задать. В глазах ее я вижу надежду. Во второй раз меня уже принимают за одного из этих загадочных миротворцев.

– Нет, – на всякий случай отвечаю я.

Ответы «да» и «нет» в моем случае равнозначны. Я мог бы сказать «да». Тогда стал бы в ее глазах спасителем, избавителем от страданий. Но кто знает, как все повернется. Лучше не врать.

«Врать? – неожиданно шевельнулось сомнение. – Почему «врать»? А может, я и есть миротворец? Почему нет? Я же ничего не знаю про себя».

– Ничего, – соглашаюсь я.

«Так что я могу оказаться кем угодно».

Но слово – не воробей. Судя по тому, как понурилась Лада, она верит мне. Хотел бы я сам себе верить.

– Кто же вы?

И вот на этот вопрос я отвечаю хоть и без подробностей, зато честно:

– Не знаю.

Она смотрит на меня с недоумением. Встряхивает головой, поморгав, смотрит мне прямо в глаза. Внимательно так, пронизательно. Станный взгляд, я поневоле ежусь.

Не верит. Оно и понятно. Как может, в самом деле, человек не знать, кто он и откуда.

– Вы пришли снаружи...

Сначала я думаю, что это вопрос, и отвечаю:

– Очень может быть.

Но она не слушает меня, а просто рассуждает вслух:

– Вы точно снаружи. Тут у нас такую одежду не шьют.

Что правда – то правда. Ее лохмотья и куртки людоедов даже сравнивать смешно с моим комбинезоном.

– Если вы не миротворец... Тогда... Тогда у меня даже нет идей, кто вы, – со вздохом пожимает плечами она.

– А кто такие эти миротворцы? – спрашиваю я. Это не единственный вопрос, который мучает меня. Но этот – сильнее всех.

– Солдаты. Они пришли с поверхности. Видимо, с какой-то военной базы или из бункера. Устроили на станциях настоящую резню, перебили почти всех людоедов. Их ружья и автоматы работали без остановки. Кровь нелюдей текла рекой, – Лада рассказывает, и на лице ее я вижу причудливую игру эмоций. Сменяют друг друга радость и ужас, восторг и отвращение. Она сидит передо мной, положив руки на колени, прикрыв глаза. Все ее существо погружено сейчас в воспоминания. Много же пришлось пережить этой жительнице пещер... Не завидую я ей. Себе, впрочем, тоже не завидую. Надо же так вляпаться!

– К сожалению, каннибалы оказались сильнее. Солдаты были перебиты, – продолжает она. – Но мы надеемся... Мы все еще надеемся, что однажды они вернуться. Вернутся и отомстят каннибалам за смерть своих товарищей. А нас избавят от страданий.

Что ж, ситуация проясняется. Людоеды и миротворцы – заклятые враги. Это объясняет ту лютую ненависть, свидетелем которой я стал. А что касается Лады...

– А твое племя? Где вы живете, чем питаетесь?

– Живем в пещерах, на берегах озер. Ловим рыбу и рачков, собираем мох. А эти... Эти ловят нас.

Мне стало нехорошо. М-да... Незавидна участь пещерного народца. Сильный ест слабого. И в мире животных, и в мире людей. И все же, черт возьми, в моей голове не укладывается, как могут люди смириться с ролью пищи.

– А если миротворцы больше не вернуться? Что тогда? Вечно будете кормить собой соседей? – начинаю горячиться я. – Почему не дадите отпор этим ублюдкам?!

Я бы первое, что сделал, это собрал бы этот двуногий корм, организовал из них более-менее боеспособную армию и размазал каннибалов по стенке. И я, черт побери, так и сделаю. Если выберусь отсюда. Порядочки этого Богом забытого места мне категорически не по нутру.

– Бесплезно, – вздохнула она, – их много, они сильные. У них оружие. На станции проникнуть сложно. Мы делали несколько попыток поднять восстание... Но каждый раз терпели поражение.

Странно себя ведет эта дикарка. Отводит глаза, кусает губы. Вроде бы это легко объяснить, ведь она рассказывает ужасные вещи.

И все же мне кажется, что-то важное она старательно скрывает. Может, и не врет, но и всей правды не говорит. А, ладно. Оставлю ее пока в покое.

– Хорошо, я понял. Ну что, бум знакомы? – протягиваю я руку новой знакомой.

– Бум... – неуверенно отвечает женщина. Ее холодная маленькая ладошка стискивает мою.

– И не надо «выкать». Мы оба влипли в историю. Нас обоих, скорее всего, скоро убьют. Бум на «ты»?

– Бум, – кивает она.

– А теперь пора действовать, – решительно вскакиваю я на ноги.

А, черт!

Забыл, что тут очень низкие своды. Бедная моя голова... Но плевать на шишки и синяки. Выход. Надо искать выход. Из того, что я услышал от Лады, вывод может быть только один: раз нас не съели сразу, значит, отложили на потом.

А меня такая участь не устраивает. Нет уж, спасибо. Первым делом – обследуем пещеру. А потом... Потом видно будет.

* * *

Копаться в голове загадочного пришельца было бы намного удобнее и безопаснее, пока тот спал. Но у дара Лады имелась одна особенность: читать она умела только самые простые мысли. Только то, о чем человек размышлял в это мгновение. Подсознание и прочие «тайники» оставались недоступными.

Когда она тренировалась на других членах племени, трудности компенсировались тем, что самое главное о них Лада знала и так. Но, в первый раз в жизни начав испытывать способность на постороннем, Лада мигом поняла: труднее задачу себе и представить сложно.

Одно она поняла четко и почти сразу: пришелец не имел никакого отношения к тем военным, которые явились в пещеру без малого пятнадцать лет назад. Лицо его не скрывал намордник-респиратор. Белый костюм-комбинезон сильно отличался от униформы миротворцев. Никакого оружия при себе. Но это все мелочи. Жаждавшие реванша солдаты могли прибегнуть к любым ухищрениям, чтобы усыпить бдительность племени.

Лада не столько увидела, сколько почувствовала: этот пришелец не опасен. От него не исходило угрозы. А своим ощущениям она привыкла доверять, они никогда не подводили.

Оставался, однако, второй вопрос: кто, в таком случае, он такой?

Мужчина метался по гроту, хватался то за голову, то за ручку двери, и обрывки мыслей тоже путались, мешались, перекрикивали одна другую. Сколько Лада ни пыталась разобраться в этой какофонии, ничего не получалось.

– Блин. Блин! Блин! Заперли. Замуровали, демоны. Зачем? Кто? Что делать? Думай, Бум, думай... Черт, чертова дверь, не поддается. И как не заржавела? Думай, Бум. Думай, Бум. Вот и все мысли.

Пришелец то ли искусно притворялся, то ли в самом деле ничего не помнил. Или почти ничего. Память его вся состояла из каких-то обрывков и ошметков, никак друг с другом не связанных и мельтешивших в полном беспорядке. Причем все самое важное, самое ценное как будто вообще стерли. Без следа, без остатка.

«Ладно, это ерунда, – решила Лада, – главное – он не миротворец. А остальное выясним потом. Пора звать ребят».

Глава 4

Тьма

Тщательное обследование пещеры ничего не дало.

Единственная дверь очень точно подогнана под размеры прохода. Ни щелочки. Но что удивило меня еще больше, так это то, что дверь не была закреплена. Она просто стояла, при-слоненная к косяку, и петли болтались, наполовину отломанные. Но при этом, сколько я ни наваливался на преграду, вставшую между нами и свободой, дверь не поддавалась. Найти объяснение этому чуду я не смог.

А вот Лада догадалась почти сразу.

– Подперта с той стороны, – замечает она, быстро осмотрев дверь, и тут же теряет к ней всякий интерес.

Мне такая версия даже в голову не пришла. Вариант хороший. Тогда все ясно.

– Что «все» ясно? – передразниваю я сам себя. – Ничего не ясно.

Еще я понимаю, почему в пещере светло: тут тоже гнездятся светлячки. Так что если и умирать, то со светом. Хе-хе, как оптимистично...

– Плюнь на нее, – продолжает Лада. – Нет, не в прямом смысле! Тут нам не выйти, это ясно. Давай искать другой путь.

И мы начинаем искать выход. Или вход. Не важно.

Долго ползаем я и дикарка по полу и простукиваем стены. Обнаружить ничего не удастся.

– И что теперь? – спрашиваю я Ладу, когда мы, утомленные бесплодными поисками, усаживаемся рядом посреди грота.

– Если выйти мы не можем, значит, будем ждать, когда за нами придут, – отвечает она. – Тогда дадим бой.

Не очень мне по душе этот план. Своего, впрочем, нет. Так что будем ждать.

Мы замолкаем. Лада дремлет или просто сидит с закрытыми глазами. Я гляжу на мерцающие брюшки рассеявшихся под потолком светящихся жуков. В какой-то момент с отвращением понимаю, что оцениваю их с точки зрения съедобности. Желудок мой, который давно начал митинг под лозунгом: «Жрать! Жрать!», мгновенно стихает. От ужаса, наверное.

– Не ссы, – улыбаюсь я. – Пока совсем не оголодаю, конечно, к этой дряни не притронусь. Но если совсем скрутит... Почему нет. Правда, придется в темноте сидеть. Ну, ничего, потерпим.

«Молодец, молодец, находчивый парень, – отвечаю сам себе. – А когда светлячки кончатся, тогда что будешь есть? А?! Камни глодать начнешь? Или...»

– Или – что?

«Сам догадываешься. Вас тут двое. Это неспроста».

«Жрать!» – тихонько поддакивает желудок.

– Нет-нет-нет! – бледнею я.

«Почему “нет-нет-нет”? – тут же отвечаю сам себе. – А если в этом и состоит их план? Как... Как пауки в банке».

«Хорошая еда!» – снова вступает в беседу разговорчивый желудок.

Я теряю самообладание.

– Нас выпустят раньше! – кричу я, обхватив голову руками и затыкая уши.

А голос в моей голове с усмешкой отвечает:

«Не факт».

И самое ужасное, что я ничего не могу сам себе возразить. Да, да и еще раз да. Эти дикари сохранили мне жизнь не потому, что пощадили. О, нет! Они решили сделать мою

смерть страшной, мучительной, лютой. Они прекрасно знают, что такое голод. И на что он толкает человека. Именно поэтому я и дикарка оказались в одном помещении.

– Ублюдки, за что?! Что, что, что я вам сделал? В чем я виноват?! – кричу я, кидаясь с разбегу на плотно запертую дверь.

Но железу все равно. Оно равнодушно отбрасывает меня обратно, даже не шелохнувшись.

Я падаю на пол.

Что-то странное происходит с моим рассудком.

В моей голове кто-то смеется. Он и раньше хихикал, дразнил, подначивал. Сейчас же в этом зловещем смехе не осталось ни следа прежней, пусть и глумливой, веселости. Смех вибрирует, рокошет, и в унисон ему пульсирует и стучит кровь в моей голове, а перед глазами водят дикие хороводы стаи сияющих огоньков.

И еще кое-что вижу. Мы не одни тут. Кроме нас двоих в гроте есть еще кто-то. Кто-то третий. Смутный, размытый силуэт...

Больше я не успеваю ничего рассмотреть. Лада, которая лежит рядом и, казалось, спит, вскакивает на ноги и произносит решительно, строго, властно:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа – изыди!

* * *

Герман очнулся и сразу понял: вокруг произошли серьезные перемены.

Каким-то неведомым образом ему удалось выбраться из темницы. Правда, радость почти сразу сменилась разочарованием: место, в которое он попал, тоже оказалось пещерой, просто более просторной. Шершавые, неровные каменные стены. Высокий, уходящий в темноту потолок. Жесткий, залитый водой каменный пол. Своды раздались вширь, образуя бесчисленные арки. Или пасти? Сходство с распахнутыми ртами усиливали свисающие отовсюду клыки-сталактиты и растущие им навстречу сталагмиты.

Вторая пленница куда-то исчезла. Сколько ни оглядывался Герман в поисках Лады, дикарки нигде не было видно.

Высоко-высоко под потолком носились и мерцали сотни голубых огоньков. В их неровном, переменчивом сиянии, робко озаряющем своды громадной пещеры, блестели маленькие ручейки, сбегавшие из расщелин между камнями и наполнявшие воздух тонким мелодичным журчанием. Иногда огоньки сбивались в маленькие облачка и опускались вниз, и Герману удавалось разглядеть, что за каменными выступами прячутся какие-то темные фигуры.

Немного подумав, Герман решил, что правильнее будет ничего не делать. Тихо сидеть в сторонке, наблюдая за местными жителями. Его пока никто не замечал, а убегать смысла не имело. Ничего не зная об этих пещерах, он бы почти наверняка заплутал.

– Хуже уже не будет, – решил Герман и остался на месте.

И в напряженной тишине стали вдруг отчетливо слышны шорохи, долетавшие из темноты.

Шаги?

Звуки медленно приближались, и скоро в полумраке показалось несколько странных фигур. Сначала Герман решил, что это еще одна группа дикарей. Но он ошибся.

Эти люди были одеты во что-то более-менее напоминавшее нормальную одежду, поэтому Герман решил называть их для себя «людьми» в противовес одетым в шкуры дикарям. В руках эти люди держали длинные предметы, напоминавшие дубинки. Они шагали, постоянно оступаясь на скользких камнях, а следом из темноты выходили все новые и новые.

Фигурки, до этого неподвижно стоявшие у прохода, мигом прыснули кто куда.

– Струсил, – фыркнул Герман.

И тут же прямо на головы отряду, двигавшемуся через пещеры, посыпался град камней. Тишину разорвали истошные вопли, стоны, брань.

Голубые огоньки заметались, разлетелись кто куда, и над полем сражения сгустилась почти полная темнота, оглашаемая грохотом падающих камней, быстрыми шагами босых ног, криками и стонами раненых.

Отряд смешался в кучу. Люди пытались отступать, но камни сыпались отовсюду, находя новые и новые жертвы. С леденящими душу криками метались они, не зная, где искать спасения, падали, поскользываясь на мокром от крови полу, и их тут же настигали точные удары.

Герман прятался немного в стороне, по-прежнему никем незамеченный, и с ужасом наблюдал за разыгравшейся кровавой драмой.

Он сидел, не смея шелохнуться, похолодевшими от страха пальцами вцепившись в выступ стены и втянув голову в плечи. Ожидая, что через мгновение какой-нибудь камень или обломок сталактита оборвет его жизнь так же, как и жизни людей, попавших в ловушку, искусно созданную пещерными жителями.

Схватка между тем подходила к концу. Пещерные жители добивали своих врагов.

На Германа все так же никто не обращал внимания. Его словно бы вовсе и не существовало.

И в тот момент, когда он уже слегка расслабился, уже почти убедил себя, что всего лишь видит очередной мираж, кто-то схватил его за плечо с торжествующим воплем:

– Вот ты где!

Герман пронзительно закричал, занес сжатую в кулак руку для удара, и...

Проснулся.

Но светлее вокруг не стало. Напротив, здесь, наяву, было еще темнее, чем во сне.

* * *

– Иде я? – шепчу я, едва ворочая языком. Тщетно пытаюсь хоть что-то разглядеть в непроницаемой тьме.

– И какая же у тебя идея? – раздается совсем рядом голос Лады. – У меня вот что-то нет ни одной.

Тут же становится чуть легче на душе. Тиски, сжимающие голову, ослабевают. Я не один. Со мной моя подруга по несчастью. А двое – всегда лучше, чем один. Не пропадем.

– Иде... Кхе-кхе. Где я? – наконец-то моя речь становится разборчивой.

– Все там же. Но что-то случилось со светлячками. То ли улетели, то ли просто выключились.

– Чего это они вдруг «выключились»? – Я сажусь поудобнее и начинаю разминать заледеневшие пальцы.

– А мрак их знает. Спать легли, наверное. Но плюнь на них. Расскажи лучше, что ты видел?

– Демона, смеющегося демона. И еще заговорил мой... желудок. Как-то так: «Жрать! Хорошая еда!»

– Вот оно что... – задумчиво произносит Лада и замолкает на некоторое время.

Я был уверен, что дикарка, услышав бред про демона и говорящий живот, рассмеется или решит, что я тронулся умом. Ничуть не бывало. Целых полчаса расспрашивала она обо всех моих видениях, а я охотно отвечал. Оказалось, что вся сцена битвы дикарей отлично отпечаталась в моей памяти. Правда, под конец меня замутило, слишком уж реалистичной была всплывавшая в сознании картинка.

Наверное, поэтому я и не обратил внимания на подозрительный шум за дверью. Зато его слышала Лада.

– Ты слышишь? Слышишь? – шипит она из темноты. – Это они! Это они! Они пришли за нами!

За плотно закрытой дверью раздаются очень странные звуки. Ничего подобного я не ожидал услышать. Сначала шорохи, потом грохот, затем – лязг и скрежет. Словно кто-то огромный неуклюже топчется снаружи и требует, чтобы его впустили.

«Они оттаскивают камни!» – вспыхнула в сознании зловещая догадка. Тайна пещеры была разгадана. Дверь оказалась не закрыта и не подперта с той стороны, а засыпана.

А мы так и не решили, что нам делать. Так ничего и не придумали.

– Лада, Лада! Прячемся! Прячемся скорее!

Прежде всего надо выиграть хоть немного времени.

– Куда, куда прятаться?! – доносится из темноты дрожащий голос.

В самом деле, куда? Я судорожно оглядываюсь по сторонам. Оглядываться во мраке – бесполезное занятие. Ничего, кроме темноты, все равно нет. Мозг мой лихорадочно прокручивает возможные варианты побега, но все они не годятся.

«Нам бы оружие. Оружие бы нам. Тогда – держитесь, гады! Тогда мы еще посмотрим, кто кого съест... Но, блин, откуда тут оружие возьмется. Черт. Черт, черт, черт!»

Я представляю, как страшные косматые люди распахивают дверь темницы и, злорадно хохоча в предвкушении пиршества, набрасываются на меня и Ладу. Конечно, мы будем отбиваться, брыкаться изо всех сил. Но в конце концов пожиратели людской плоти одолеют нас и растерзают на мелкие куски, чтобы потом с аппетитом сожрать, насыщая вечно голодные желудки.

Бр-р!

Машинально шаря по сторонам рукой, я нащупываю ближайший ко мне каменный столбик, один из множества, торчащих из пола пещеры.

Еще раньше, когда в пещере был свет, я заметил, что стены, пол, потолок грота покрывают сотни, тысячи крохотных шариков. Местами они громоздились один на другой, образуя настоящие колонии, местами росли поодиночке или маленькими группами. Отражая дрожащее, пульсирующее сияние светлячков, грани их мерцали и переливались. Мне казалось сначала, что это грибы или растения.

Кто и зачем придал камням форму граненых шариков? Это творение природы или человека? Не имеет значения. Главное: их можно использовать в качестве оружия. Ну-ка. Я напрягаю мускулы раз, другой, третий...

– Есть, вот так! Вот так-то лучше!

Я крепко сжимаю в правой руке длинный твердый предмет. Увесистый, прочный. Отлично лежит в ладони. Напоминает... Хм. Да, в самом деле. Символично. Хрен вам, а не мое мясо!

– Оставайся тут, на виду, – приказываю я Ладе, потом отрываю еще пару столбиков, отползаю так далеко, как могу, и забиваюсь в угол грота. К горячей встрече дорогих гостей все готово, хе-хе.

* * *

Но никто так и не вошел.

Дверная створка вывалилась наружу. За ней в сумрачном сиянии предстали три человеческие фигуры. Они стояли не двигаясь. Никто не делал даже попыток приблизиться к выходу из грота. Столбик, приготовленный Германом для броска, не долетит до них.

«Они что, прочли мои мысли?! – терялся в догадках Буданов. – Или в темноте видят? Сволочи. А ситуация-то безвыходная. Они не решаются войти, но и нам отсюда никуда не деться. Да-а... Что они могут сделать, если поймут, что обед живым не дастся? Что? Пойдут

на штурм? Или... Или, чтобы не рисковать, опять замуруют, чтоб мы сдохли сами?.. Сожрали друг друга? Ну не-е-ет!»

И Герман, не теряя больше ни минуты, сорвался с места.

Лишь вовремя подставленная Ладой подножка спасла ее соплеменников от печальной участи.

Глава 5

Гип-гип

«Бедная моя голова», – успеваю подумать я за миг до того, как мой лоб в очередной раз встречается с каменным полом.

Фонтан искр в глазах. От боли точно удар тока пробегает по телу.

Да сколько ж можно падать?! Хоть сознание не потерял, и на том спасибо.

Осторожно приподнимаю голову и первое, что вижу, это... Ноги. Множество ног. Еще я замечаю, что в помещении стало намного светлее. Принимаю дыхание. Омерзительный запах сырости и затхлости, изводивший меня в темнице, исчез. Прислушиваюсь... И удивляюсь еще больше.

– Гип-гип-ура! Гип-гип-ура! Добро пожаловать, гость дорогой! – кричат звонкие веселые голоса. – Какое счастье, что вы здесь! Гип-гип-ура!

Вокруг толпа людей. Обычных, нормальных людей! Куда-то делись и грубые куртки из шкур, и густые волосы на руках и ногах... Теперь я вижу сапоги и брюки, рубашки и футболки, смеющиеся, улыбающиеся лица красивых, счастливых мужчин и женщин. Мелькают улыбки, в глазах рябит от ярких, праздничных лент и бантов.

– Гип-гип-ура! Добро пожаловать! – кричат люди, перебывая друг друга. – Следуйте за нами, дорогой гость! Как мы рады, как мы рады!

Нестерпимо яркое сияние, льющееся отовсюду, слепит глаза, и я не могу как следует разглядеть толпу, устроившую торжественную встречу. Где стоят светильники, испускающие этот свет, я пока не могу понять.

– Идемте с нами, гость дорогой! – продолжают весело кричать аплодирующие люди. – Идемте с нами! Гип-гип-ура!

Я повинуюсь. Встаю и делаю шаг навстречу радостно визжащей толпе.

Только тут я замечаю, что Лады нигде нет.

Резко оборачиваюсь. На том месте, где только что среди кучи камней лежала снятая с петель дверь, уже ничего нет. Гладкая, ровная каменная стена.

– А где женщина, которая была со мной? – спрашиваю я.

– Любимый наш, дорогой! Гость дорогой, идемте скорее! Гип-гип-ура! – продолжают кричать люди, словно не слыша вопроса.

– Где Лада? Куда она пропала?

– Какое счастье видеть вас!

– Где она?!

– Гип-гип-ура!

– Заткнитесь!!! – кричу я, не в силах больше держать себя в руках.

Крики и хлопки мигом стихают. Наступает гробовая тишина. Мороз, расползаясь из головы по шее, рукам, спине, охватывает все мое существо.

Вокруг, заполонив все пространство подземного зала, стоят полуистлевшие трупы.

Майки, джинсы, кроссовки натянуты поверх обтянутых кожей скелетов. Праздничные ленты украшают зияющие гноящимися ранами запястья. Скалятся челюсти. Зияют пустые глазницы проломленных черепов. Слегка развеваются волосы, похожие на лежалую солому.

Одну невыносимо длинную, тягучую, точно желе, минуту они стоят, не шевелясь, а потом все разом срываются с места и с веселыми криками: «Гип-гип! Гип-гип!» – кидаются на меня со всех сторон.

И в тот же миг все вокруг погружается во мрак.

Что-то холодное, кожистое бьет по лицу, лезет в глаза. Когти царапают кожу, скребут по прочной ткани костюма, один из них вспарывает щеку, и кровь теплым ручейком начи-

нает струиться за шиворот. И все же мне удастся прорваться сквозь дьявольское воинство, вырваться из смертельного водоворота когтей и зубов, хруста и писка, шипения и визга.

И тут я натыкаюсь наконец на Ладу.

* * *

Афанасий не хотел даже представлять, что было бы, подсади он в пещеру к пришельцу не Ладу, а кого-то другого. Жертв удалось избежать лишь чудом. А точнее – даром. Если бы не дар Лады – кто-то из них обязательно полез бы в грот. И получил камнем по голове.

За минуту до того, как Проха и Арс растащили завал, отделявший их от входа в Геликитовый грот, голос Лады произнес в голове Афанасия: «Этот псих вооружен».

Так и вышло, что план «Б» постигла судьба плана «А». Действовать надо было быстро, не теряя ни минуты, но никаких других вариантов Афанасий не предусмотрел. В первый раз за пятнадцать лет, в течение которых вождь бессменно руководил племенем, он растерялся. Убивать пришельца очень не хотелось. Кто знает, когда к ним снова забредет посланец внешнего мира? Но и жертвовать кем-то из своих Афанасий тоже не горел желанием.

Минуты шли, выход не находился. Напряжение росло.

И пришелец не выдержал первым.

Из грота раздался такой грохот, будто там случился обвал, и мгновение спустя оттуда... Не вышел, и даже не выбежал, а выкатился человек в грязно-белом костюме. Несколько раз перевернувшись, пришелец замер у ног Афанасия.

Проха осторожно дотронулся до плеча пришельца. Тот не шевелился. Но ничего страшного с гостем из внешнего мира тоже не случилось, пульс прощупывался. Просто упал. И Афанасий догадывался, кто ему в этом помог.

– Молодец, Лада, браво! – произнес с улыбкой Афанасий.

В первый раз за этот безумный день вождь наконец выдохнул.

В ту же минуту Афанасий услышал странный шум, доносящийся из глубины длинного, извилистого каньона, что вел от зала Анакопия в самое сердце карстовой системы. Сухой шелест кожистых крыльев, шипение, писк... Они становились громче и громче, приближались, нарастали.

«Проклятие... Москвичей нелегкая принесла!» – понял Афанасий.

– Отходим на станцию, быстро! – скомандовал он.

Но вождь опоздал. Перепуганные светлячки облачком снялись с насеста. Наступила крошечная тьма. И мгновение спустя со всех сторон на людей бросилась стая кусающихся, хлопающих крыльями существ.

Зал Анакопия превратился в преисподнюю.

Летучие мыши яростно шипели, били людей кожистыми крыльями, царапали когтями. Не обращая внимания на град ударов, полчища тварей, получивших с легкой руки Алекса название «москвичи», упорно шли в атаку. А из мрака слышалось шуршание новых и новых крыльев. С каждой минутой тварей становилось все больше.

Но Афанасий не потерял присутствия духа. В крошечном аду битвы, в непроглядном мраке, наполовину оглушенный, вождь старался не упускать общей картины происходящего.

Тяжелее всего приходилось Проше. Несмотря на недюжинную силу, проворства ему всегда не хватало. Москвичи легко уклонялись от могучих, но неточных ударов, и скоро облепили помощника вождя с ног до головы. Истошно вереща, летучие мыши кусали, били Проху, лезли в глаза, в уши, зарывались в волосы...

А вот юркий, ловкий, несмотря на возраст, Арс дал тварям достойный отпор. Он хватал летунов и швырял во все стороны, ломал им кости, рубил на куски... Ряды атакующих редели, но битва не прекращалась.

И Афанасий понял: пришло время для резервного оружия, иначе им крышка. Он торопливо сунул в рот костяной свисток и отрывисто дунул в него.

Тонкий противный писк, напоминающий визг испуганного ребенка, огласил поле сражения. От этого оглушительного свиста заложило уши и у Прохи, и у Арса. Вождю и самому каждый раз становилось дурно от этого ультразвука, но он продолжал дуть в свисток до тех пор, пока стая не отступила.

Узнав на своей шкуре, каким грозным и опасным врагом может быть человек, скрылись крылатые хищники во мраке подземелья, вернулись в зал «Москва». И долго доносились издали их крики...

Немало времени прошло, прежде чем Афанасию удалось оправиться от ультразвука, привести в чувства Проху и собрать часть разлетевшихся светлячков... В пещере снова стало светло.

К огромному удивлению вождя, ни пришельца, ни Лады здесь не оказалось.

* * *

Лада, видимо, не разобрала, кто ее схватил. Начала так яростно брыкаться, что я чуть не выронил ее. Объяснить что-то в таком шуме все равно бы не получилось, поэтому я легонько стукнул дикарку по голове. Сопротивление тут же прекратилось.

Куда теперь бежать? Туда, где светлее, ясное дело. Свет убегает от меня. Это стайка светлячков. Последую за ними.

«Бежать! – стучит в голове. – Бежать без оглядки! Куда угодно, только прочь!»

Следуя за жуками-фонариками, вбегаю на станцию. Она немного похожа на ту, где валялись кости. Только тут нет костей. Зато есть ржавый поезд. Секундная заминка, и вот я уже мчусь вверх по туннелю.

В ушах, подгоняя, не давая ни на миг остановиться, звучат смех и радостные возгласы: «Гип-гип! Гип-гип!»

Но это уже бред. Реальность еще страшнее. Что-то гонится за нами; несется следом, не издавая ни единого звука, никак не выдавая свое присутствие. Но от этого «что-то» исходит невероятная сила. Будто взрывная волна, сметая все на своем пути, преследует меня по пятам, нагоняя с каждой секундой.

Обливаясь потом, икая от ужаса, я мчусь вперед до тех пор, пока не падаю от изнеможения. Напрягая последние силы, подползаю к Ладе и закрываю ее собой.

Мгновение спустя тьма меркнет в моих глазах.

* * *

– Ты-ы-ы что-что-что, сви-свихнулся-я-я?! – от тряски Лада едва могла выговорить два слова.

Герман не отвечал. Он мчался так, словно за ним гнался сам черт. Лада отбросила все лишние мысли. Повернулась назад, напряглась...

«Нет, не черт гонится, – поняла она мгновение спустя, холодея до костей и покрываясь липким потом. – Мрак гонится. Вот и встретились снова».

Пришлось идти на крайние меры.

– Спи, Герман, спи, – приказала она космонавту. – Тебе не годится видеть то, что сейчас будет. Это – моя работа.

Лада ловко вскочила на ноги. Собрала в кулак всю волю. Выставила перед собой непробиваемый заслон. Сконцентрировала все силы, которые у нее еще оставались.

– Я не боюсь тебя! – крикнула Лада в темноту.

– Боюсь тебя! Боюсь тебя! – отозвалось эхо. Крик Лады пронесся по туннелю и замер вдали, точно там промчалось какое-то живое существо.

Лада никогда не верила сказкам про Владыку Мрака и Госпожу Тьму. Она знала, что это бредни, и даже столкнувшись с этим воплощением ужаса и боли сама, не изменила мнения. Она знала: никаких духов и демонов нет, не было и быть не может. Зато есть Безумие и Отчаяние, которые рано или поздно охватывают здесь, в катакомбах, всех людей. Есть темная сторона разума, его «чердак», и когда рассудок оказывается бессилён, из этого чердака выползают химеры, перед которыми меркнут любые твари из плоти и крови.

И еще одну вещь знала Лада: бороться с этой напастью можно одним лишь способом. Нужно превозмочь себя. Собрать в кулак все мужество, заставить работать парализованный рассудок и крикнуть прямо в оскаленные морды всем этим монстрам и чудовищам: «Вас нет!» И молиться Богу. Тогда все кошмары рассыплются в прах.

Просто.

Легко.

Но почти ни у кого не получалось. Не хватало то ли веры, то ли воли. А тем, у кого получалось один раз или два, на третий приходилось тяжелее.

Девушка терпеливо ждала, не смея ни на миг расслабиться. Ничего не происходило. Вокруг не стало светлее, мрак все так же клубился вокруг. Но Лада чувствовала: это уже совсем не тот мрак. Темная сила, присутствие которой Лада ощущала с того самого момента, как разогнала светлячков в гроте, отступила. Великая битва, битва разума с безумием, на этот раз снова закончилась ее победой.

Выжатая как лимон, Лада упала на колени рядом с бесчувственным Германом, и слезы водопадом хлынули из ее глаз.

В таком виде и нашли их примчавшиеся на выручку соплеменники Лады и осторожно перенесли обоих в пещеру.

Глава 6

Последняя экскурсия

В карстовых пещерах Нового Афона начиналась очередная ничем не примечательная экскурсия. Таких Ханифа Эшба проводила по шесть-семь в день. Иногда и больше.

Все шло как обычно. С грохотом ворвался на станцию «Зал Аписны» поезд – голубой с белой полосой, битком набитый народом.

– И это в такую рань, – тяжело вздохнула женщина. В час пик бывало, что все желающие осмотреть пещеры не помещались в один состав. Впрочем, жаловаться Ханифа должна была в первую очередь на себя: по злой иронии судьбы невиданный аншлаг она сама же и вызвала.

Туристы, высыпавшие из вагонов на перрон, вырядились, точно на пляж: коротенькие рукава и глубокие вырезы; на ногах – у кого туфельки, у кого вьетнамки.

– Сейчас будут ходить, зубами стучать. А ведь специально написали при входе: температура одиннадцать градусов! Дураки, – Эшба глубже засунула руки в карманы новенькой, только что выданной форменной куртки. Но все же она оказалась не совсем права. Двое молодых людей, девушка лет семнадцати и мальчишка, оделись именно как надо: кроссовки, брюки, куртки. Было тут еще человек десять в кофтах и длинных брюках. Правда, прочие посетители косились на одевшихся «по погоде» соседей, точно на клоунов. Даже посмеивались.

«Посмотрим, что вы минут через десять будете думать», – злорадно усмехнулась экскурсовод Эшба. Эти мысли не мешали ей приветствовать дорогих гостей и с улыбкой приглашать следовать за собой. Имелся у нее еще один секрет: Ханифа никогда не проговаривала каждый раз один и тот же текст. Старалась импровизировать, нарушать регламент. Иной гид получил бы за такое нарушение правил по первое число, но ей, как отличному сотруднику, многое сходило с рук.

* * *

Ханифа Эшба начинала работать в Новоафонском заповеднике младшим научным сотрудником, лишь спустя пять лет переквалифицировалась она в гида. Это решение никого не удивило: платили экскурсоводам не в пример лучше. Никто не догадывался, что главной причиной, заставившей Ханифу пойти в гиды, было желание... спасти пещеры от туристов.

Наблюдая за наглеющими посетителями, которые то и дело норовили отломить кусочек сталактита «на память», оставляли после себя кучи мусора, а после любого замечания начинали качать права, Ханифа прониклась стойкой неприязнью к «уважаемой публике». Она молчала, она вежливо улыбалась, она терпела. Но в душе Ханифы бушевал ураган. А тут еще стали с невиданной скоростью распространяться в пещерах плесень, мхи и лишайники, медленно, но неумолимо разрушая уникальную подземную экосистему.

– Антропогенное воздействие, – говорили исследователи на совещаниях. В переводе на человеческий язык это значило: туристы убивают пещеры.

Увы, туристы – это деньги; ради них были построены метро, пешеходная тропа и все остальное. Ученым удалось закрыть для посещения часть залов, но на полный запрет туризма нечего было и надеяться.

Однако, подумав, Эшба поняла, что спасти пещеры можно. Пытливый ум молодой женщины искал выход, и в итоге на свет появился экскурсионный проект «Ужасы наших пещер». Никакой чиновник не одобрил бы такое, а директор заповедника, узнай он об этом безобразии, тут же выкинул бы женщину с работы. Но Эшба действовала осторожно.

– Дорогие коллеги, – начала Ханифа совещание экскурсоводов, на которое администрация отправила всех сотрудников Новоафонских пещер, – посетители все чаще жалуются на то, что в пещерах много мест, кажущихся страшными и даже опасными. Люди там чувствуют себя неуютно, бывает – паникуют. Есть опасения, что это может вызвать отток клиентов.

Именно эти последние слова открыли перед Ханифой и ее «проектом» все двери и обеспечили полное содействие.

– В связи с этим, – продолжала говорить экскурсовод Эшба взволнованным голосом, – необходимо произвести детальный осмотр доступных для туристов залов. По возможности все опасные места нужно либо закрыть для осмотра, либо не включать в них освещение.

Двадцать минут спустя, когда ее коллеги, вооружившись фонарями и планшетами, отправились совершать мониторинг, Ханифа с блаженством растянулась в кресле.

– Мне даже не придется лазать там самой, ха-ха-ха! – счастливая Эшба едва не пустилась в пляс.

– Грот Олень, – объявила Амра, сверившись со списком, – не представляет опасности.

Ханифа кивнула, но сама при этом размышляла, как бы лучше поставить лампу.

«Это сейчас не представляет, – включила она воображение. – Немного поработаю, и это уже не олень выйдет, а динозавр, хе-хе-хе».

В конце Кораллитовой галереи, где ступеньки вели вверх, нависала над головами женщин злобешая каменная глыба, непонятно каким чудом державшаяся до возведения опор.

– Вероятность падения? – спросила Ханифа, и ей самой стало на миг не по себе. А ну как рухнет, в самом деле.

– Нулевая, – заверила Амра, но про себя Эшба уже решила поведать группе по большому секрету, что бетонные столбы, удерживающие плиту, каждый год сдвигаются на миллиметр.

– Зал Апсар, – продолжала Амра, – вызывает опасения. Причина: летучие мыши.

В зал Апсар, он же «Москва», он же «Храм», к великому сожалению Ханифы, туристов водить никто и не разрешал. А ведь там обитали самые полезные для нее представители фауны подземелья: летучие мыши.

«Ничего, фонариком посвечу – все увидят», – на ходу придумывала обходной маневр Ханифа.

В бесконечно длинном зале-каньоне Аюхаа все пространство заполняли забавные коренастые сталагмиты. Оранжевые, красные и даже полупрозрачные. Сотни маленьких, аккуратных столбиков. Одни выстроились вдоль стен, другие сбегали по склонам холмиков, почти залезали на экскурсионную дорожку, словно стремясь подобраться ближе к ногам посетителей.

«Расскажу легенду о пещерных троллях, которые раз в год оживают и нападают на любого, кто осмелится войти в пещеры, – решила Ханифа. – Раз в Скандинавии есть, пусть и у нас будут. Взрослые – те только посмеются. А вот дети еще как испугаются».

Так зал за залом шли они через пещеру, и уже к концу осмотра план был в общих чертах готов. До исторического события оставалось совсем немного.

Первая экскурсия из серии «Ужасы наших пещер» прошла блестяще.

Чтобы исключить любые осложнения, Эшба заставила остаться на станции Амру. Пусть это было грубейшим нарушением, но Ханифа на все махнула рукой – выгонят так выгонят. Теперь туристы оказались целиком в ее власти.

Лампы в светильниках она заменила на красные и ртутные оранжевые, чтобы придать подсветке inferнальный вид. Вместо нейтральной музыки, обычно звучащей в пещере, поставила «Реквием по мечте». Все милые сюрпризы Новоафонских пещер, начиная со злобешего шатающегося моста и кончая натечным образованием «Череп», были использованы на полную катушку. А сама Эшба отстраненным голосом вещала продрогшим до костей, перепуганным

людям о том, что здесь стоять опасно – можно провалиться, а там может случиться обвал; рассказала легенду о Белом Спелеологе, и так далее, и тому подобное.

Эффект превзошел все ожидания: дети плакали, женщины охали и ахали, мужчины тихо ругались. О том, чтобы мусорить или пытаться отломить кусочек от сталагмита, никто в этот раз и подумать не смел. Ханифа ликовала. Ее план работал.

В вагон поезда группа садилась, бурно обсуждая увиденные ужасы. Поезд умчал напуганных посетителей назад, в тот привычный, спокойный мир, где светило солнышко, пели птички... Выжатая как лимон, утомленная самой сложной в своей жизни экскурсией, но счастливая Ханифа сидела одна на станции «Зал Анакопия», блаженно улыбаясь.

– Дело пошло. Лед тронулся. Несколько подобных экскурсий, – готова была плясать от счастья Эшба, – и об этих пещерах пойдет такая дурная слава, что придется доплачивать людям за то, чтобы они сюда ехали!

И она не ошиблась. Дело пошло. Поток туристов, прослышавших о том, что в Новом Афоне почти бесплатно можно пощекотать нервы, побил все мыслимые рекорды.

* * *

Была у Ханифы тайная сокровенная мечта: выключить в пещере электричество прямо в разгар экскурсии, а самой, надев прибор ночного видения и спрятавшись где-нибудь рядом с туристической тропой, смотреть, как будут реагировать люди на этот сюрприз.

Дальше мечтаний и вздохов дело так и не пошло. Но каждый раз, когда закрывалась за экскурсионной группой тяжелая дверь, ведущая в метро, чертик в душе экскурсовода нашептывал: «Сделай какую-нибудь гадость... Настоящую гадость, чтобы они икали от ужаса, чтобы обделались все!»

Но и в этот раз всё, как обычно, шло своим чередом. Лишь несколько мгновений стояла притихшая группа в темноте, потом включился свет, и прогулка по подземелью началась.

– Зал Апсны похож на спокойного, полного величия могучего исполина, погруженного в тысячелетний сон! – декламировала Ханифа, а про себя лишь презрительно фыркала: «Кто писал этот бред? Какой еще могучий исполин? Анггар напоминает».

Да, зал Апсны был громаден. Насчет того, что тут «могли бы летать птицы», текст не врал. Да вот только разве что размерами и мог он поразить туристов. Строгий, суровый, аскетический – в самом деле анггар. Никаких чудес. Никаких безумных красот. Впрочем, публику восхитил и этот, самый скромный, зал.

«Пришло время их немного напугать», – решила Ханифа. Собственно, за этим многие туристы сюда и явились.

Напротив них, в низине, окруженное местами пологими, местами отвесными склонами, раскинулось озеро Анатолия. «Главный изумруд в Новоафонской диадеме» – так говорилось в путеводителе.

В свете прожекторов, расставленных вокруг смотровой площадки, вода его отливала ультрамариновым оттенком, и поэтому озеро Анатолия в самом деле казалось гигантским изумрудом. Все вокруг навевало спокойствие и умиротворение...

– Обратите внимание на темно-коричневые горизонтальные полосы, протянувшиеся почти до самого потолка пещеры, – обратилась Ханифа к туристам.

Те, рады стараться, дружно принялись крутить головами, и скоро все, что надо, заметили.

– Это следы мощных наводнений, – продолжала она. – Во время катастрофических паводков зал затапливало почти полностью.

Тут же на лицах посетителей восторг сменился у кого растерянностью, а у кого ужасом.

«Ха-ха-ха, вот так вот, – упивалась триумфом Ханифа, – а вы думали? В сказку попали?»

– А сейчас тут случаются наводнения? Вот бы посмотреть! – произнес мальчик, прибывший в пещеру одетым «по погоде».

Этот вопрос застал Ханифу врасплох. В такой форме ее про наводнения никто пока не спрашивал. Она немедленно сообщила, что теперь сброс лишних вод происходит за пределы пещер, но по глазам любознательного мальчугана видела: не верит.

«Правильно делает. Кто их, эти пещеры, знает», – на миг посерьезнела Ханифа.

– Как тебя зовут? – обратилась она к любознательному мальчику, улучив время, пока вся группа дружно фотографировалась на фоне озера.

– Афанасий Лобашов! – с достоинством представился парнишка серьезным до смешного тоном, и добавил после секундной паузы: – Михайлович. А это моя подруга, Сорокина Наталья. Игоревна.

Подруга мальчика, годившаяся ему в старшие сестры, приснула в кулак, услышав это официальное представление.

– Приятно познакомиться, господа! – рассмеялась Ханифа и добавила, заговорщически подмигнув: – После экскурсии не спешите. Я вам расскажу кое-что сверх программы.

Юный Афанасий Михайлович чуть не запрыгал от радости. Он хотел что-то еще спросить у Ханифы, и наверняка промучил бы ее с час, но гид вовремя ретировалась. Группу пора было вести дальше, к одному из главных чудес подземелья – Белой горе, месту зарождения сталагмитов.

– Натечные образования, которые вы видите вокруг, как будто сделаны играющим мальчиком из мокрого песка, – говорила Ханифа, и это было уже лично ее новшество. Автор стандартного текста до такого сравнения вряд ли бы додумался.

Зал Апсны остался позади. Люди, толкаясь и наступая друг другу на ноги, шли по пешеходной тропе в сторону зала Спелеологов. На старых схемах второй зал Нового Афона по-прежнему именовался «Грузинских Спелеологов». Кое-где встречалось и третье название – «Зал Махаджиров». От этой путаницы у неподготовленного человека начиналось головокружение.

– Политика, – коротко отвечала Ханифа на все вопросы, – как выгоднее называть зал в данный момент, так и называют.

Так же она отвечала и сейчас, услышав от любопытного Афанасия Михайловича стандартный вопрос.

– Они что, дураки? – поморщился мальчишка.

Ханифа отмолчалась. Сама же подумала: «А устами младенца-то глаголет истина. Можно подумать, те грузины, которые сюда по шахтам спустились, в чем-то виноваты».

Однако подобные политически незрелые суждения вслух Эшба не изрекала никогда. В глубине души женщины иногда ураган бушевал, когда она читала об очередных идеях правительства, и своего, родного, и любого иного. Но чем сильнее хотелось ей ругаться, тем плотнее сжимала Ханифа губы.

От невеселых мыслей отвлекли ее крики и вопли, огласившие пещеру.

– Тьфу ты, как я могла пропустить?! – сокрушенно покачала она головой.

Как раз в эту минуту группа подошла к самой любимой Ханифой природной скульптуре – натечному образованию «Череп». Не проходило ни одной экскурсии, чтобы кто-нибудь не схватился за сердце рядом с этим милым пещерным феноменом. Оскаленная морда, искаженная немим криком, удачно подсвеченная расставленными вокруг прожекторами, выплыла из мрака внезапно. Взорам туристов предстали темный провал глаза, распахнутая пасть, утыканная огромными «зубами», массивный подбородок. Каменный череп был великолепен.

– Господи, что это?! – взвизгнула нервная девушка, явившаяся в пещеру на шпильках и в коротенькой юбочке.

– Уберите чудовище! – потребовала боевая бабуся, хватая в охапку внука и закрывая ему лицо ладонью.

«Как вы предсказуемы», – покачала головой Ханифа. Туристы, их поведение и реакция давно уже не вызывали у нее не только смеха, но даже и злости. Лишь скуку и равнодушие.

Отличился юный Афоня. Он деловито подошел ближе к скалящейся роже, присмотрелся, фыркнул и двинулся дальше. Для того, чтобы испугать юного смельчака, явно требовалось что-то посильнее.

«Ничего, эти пещеры еще не раскрыли всех секретов», – Эшба почувствовала, как в душе ее закипает азарт.

Что касается остальных посетителей, то они, убедившись, что чудовище не настоящее, дружно принялись на его фоне фотографироваться.

– А теперь меня, Анют! Да в полный рост, в полный! Ну кто так фоткает?!

– И нас с Васьком тоже. И чтобы эта рожа вся влезла. А ты куда лезешь, мелкий?!

– Скажите: «Чи-ииз!»

Ханифа зевнула. День ничем не отличался от череды других черно-серых рабочих будней.

– Кальцитовый, кружевной пол местами разрывается, и в отверстия можно разглядеть второе дно, по которому почти бесшумно бежит прозрачный ручей! – с чувством рассказывала гид.

Тут и она каждый раз замирала в почти неподдельном восхищении. А вот все остальные, разумеется, стали толкаться, пытаясь рассмотреть этот самый ручей, и ничего не услышали. А тут еще Амра удружила: стала подгонять застрявшего около «Череп» фотографа.

«Если бы только это стадо слонов перестало шаркать! – вздохнула Ханифа. – В тишине шелест воды, падающей на вершину горы, просто завораживает...»

Увы, сто человек стоять тихо не могут. Впечатление от Белой горы вышло смазанным, экскурсовод чувствовала это.

«Ладно, и так все стоят, рты открыли! – решила она. – Пес с вами».

Шуршание ручья люди заглушили, зато смолкли почти все, когда группа вступила на галерею: шаткий узкий мостик, зловеще раскачивающийся и поскрипывавший, когда по нему двигалась толпа людей.

«Тут обычно теряются даже самые толстокожие», – вспоминала Ханифа, уверенно шагая вперед. Остальные замедлили шаг – и трудно было людей не понять. Когда идешь под мрачными, давящими сводами на высоте почти двадцати метров по качающемуся мосту, немудрено испугаться.

– А это не обвалится? – с опаской спросила девушка в туфельках, которая начала попискивать от страха, едва попав в пещеру.

«Интересно, какого ответа ты ждешь? – размышляла Ханифа, уверяя напуганную туристку, что это совершенно исключено. – И так ведь всем ясно, что все тут надежное и прочное. Иначе б не приехали».

И, на миг взглянув на того самого мальчишку, она с удивлением прочла свои мысли.

– Редко таких встречала... – удивлялась снова и снова Ханифа, ведя туристов в зал Нарта.

Там она хотела рассказать им про местную фауну: колонии полупрозрачных рачков из озера Безымянное и безглазых жуков-трёхусов, но в последний миг передумала. Группа и так была сильно напугана, да и замерзли люди крепко: стучали зубы, ноги в босоножках зябко переступали.

«Поведу-ка я их быстрым маршем в Кораллитовую галерею, – решила она, – пусть успокоятся. И согреются».

И в этот миг случилось что-то странное. Все, что было в пещере, до последнего камешка, слегка дрогнуло, как будто от подземного толчка. Тут и там посыпались с потолка обломки скальной породы – к счастью, никого серьезно не задев.

– Это землетрясение? – спросил с искренним интересом мальчишка.

– Землетрясение?! – завизжала пугливая барышня.

– Нет-нет, что вы. У нас их не бывает! – Ханифа поспешно принялась успокаивать туристов.

Толчки не повторялись, и постепенно люди немного успокоились.

«Надо срочно развлечь публику», – поняла Ханифа, и выбрала отрывок, неизменно привлекавший внимание: как рождаются знаменитые натечные образования.

– Капля за каплей в течение столетий медленно растут навстречу друг другу пещерные братья. С потолка, сверху вниз – сталактит, с пола, снизу вверх – сталагмит! – распиналась она.

Но всем своим существом ощущала – люди не слушают. И в этот миг случилось то, что Ханифа всегда мечтала сделать, но чего никак не ожидала: разом во всех залах, точно по мановению волшебной палочки, погас свет. Пещера погрузилась в первозданную тьму.

Перепуганные люди стояли, прижавшись друг к другу, на бетонном полотне туристической тропы. Замыкающий гид Амра включила фонарь, помчалась к ближайшему пульту, начала щелкать кнопками – безрезультатно. Шли минуты, но свет не загорался. Зато в наступившей тишине отчетливо стали слышны чьи-то неторопливые шаркающие шаги.

Кто-то приближался к ним из пучины мрака, торжественно, величественно, уверенно...

Глава 7

Резня

Даша Кружевницына осторожно перевернулась на бок и приоткрыла один глаз.

Слепой обходчик в форменной куртке и шапочке, похожий то ли на ходячего мертвеца, то ли на сумасшедшего, все так же стоял рядом.

В тусклом свете, который лился снаружи, были видны седые волосы, рассыпавшиеся по его плечам, и внушительных размеров вещевой мешок за спиной. Приглядевшись, можно было рассмотреть и лицо обходчика, застывшее, словно маска. Бельма вместо глаз придавали облику Кондрата Филипповича настолько жуткий вид, что Даша холодела до глубины души, едва взглянув в его сторону.

– Ты уйдешь или нет, хрен старый?! – закричала она, поняв, что Кондрат не оставит ее в покое.

Кондрату Филипповичу было лет пятьдесят, но Даша все равно называла его «стариком». Отчасти потому, что он был тут одним из самых старших, отчасти из-за пепельного цвета давно поседевших (видать, не от хорошей жизни) волос.

– Нет, – произнесла темная фигура, – я уйду только с тобой вместе.

Даша икнула от ужаса.

«Вот принесла нелегкая слепого ублюдка... – простонала она. – Мало того, что кишки крутит от голода и от холода колотит. Еще этот ходячий мертвяк явился. Ну какого черта ему от меня надо?!»

– Слушай, козел, – зашипела Даша, сжимая кулаки, – вали отсюда, пока цел! Я не шучу. Так отделаю, мать родная не узнает.

Слепой обходчик не шевелился. Он стоял посреди вагона, почти касаясь головой потолка, широко расставив ноги, и повторял время от времени, точно заведенный:

– Уходи сейчас или будет поздно. Я и так теряю время. Ты нужна нам.

– Кому, кому «нам»?! – схватилась Дарья за голову. – Объясни толком, истукан!

– Нам, – отозвался обходчик. – Тем, кто уходит в пещеры.

– Скатертью дорожка, – бросила через плечо Даша.

Она знала, что группа людей, человек пятнадцать, возглавляемая бывшими сотрудниками заповедника, собралась уходить из метро в пещеры. Уже два часа ходили эти люди, потерявшие надежду на спасение, по станции, агитируя народ следовать за ними.

Над «паникерами» все посмеивались. Даже после того, как стало ясно, что самостоятельно люди из подземной ловушки выбраться не в силах (мешал обрушившийся туннель), никто не сомневался: рано или поздно к ним пробьются с другой стороны, надо лишь ждать.

– Шагайте-шагайте. Будете камушки глотать. А когда придут спасатели, мы скажем, что больше нет никого! – говорили им, хихикая, другие люди.

– Они не придут, – отвечал на это Николай Степанович, второй по старшинству после Кондрата.

– Посмотрим, что вы сами жрать будете, – стреляла глазами пещерный гид Ханифа. – Точнее, кого.

А слепой обходчик ничего не говорил. Он просто стоял в стороне, напоминая статую командора. Как поняла Даша, Кондрат давно бы уже увел свою группу в пещеры, но его уговорили подождать, пока соберутся еще люди.

Дашу происходящее на станции интересовало мало.

Она лежала в поезде, на узком диванчике, сжавшись в комок, пытаясь согреться. Даша спустилась в пещеры, считай, прямо с пляжа, на ней были короткая юбка, топ, босоножки. На вывеску: «Температура в пещерах 11 градусов!», она как-то не обратила внимания. Табличка,

к сожалению, не обманула. Мерзнуть девушка начала еще в очереди за билетами. Но тогда казалось, что еще немного – и снова будут солнце, жара, пальмы... А вот как все повернулось. Ни одеждой, ни едой с Дашей никто не поделился. И вот она забилась в угол, стуча зубами от мороза и проклиная весь белый свет. Лишь мысль, что скоро придут спасатели и истязание прекратится, немного согревала девушку.

Несколько минут Даша лежала, поджав коленки почти к самому лицу, стараясь успокоиться и уснуть.

Тщетно. Голод и холод не давали покоя.

Она приподняла голову, чтобы посмотреть, не ушел ли слепой обходчик.

И обомлела.

Старик стоял в двух шагах от нее и тянул к девушке руки в синих перчатках.

– О Боже! – вырвалось из груди девушки.

Даша слетела с диванчика. Отскочила к стене вагона и застыла, лихорадочно соображая, что делать.

– Пшел вон, или я позову на помощь! – завизжала она.

Даша могла постоять за себя, ходила в секцию каратэ, и в шестнадцать лет получила награду на соревнованиях. Но она не знала, хватит ли у нее сил противостоять крепкому мужчине.

Дарья умела чувствовать силу других людей. Она понимала: в теле слепого старика заключена недюжинная сила.

– Зови, – тихо, спокойно отвечал Кондрат Филиппович, убирая руки в карманы. – Никто не придет. Им не до тебя. Там, – он кивнул в сторону перрона, – как раз делят последнюю еду.

Со станции в самом деле давно слышались крики: «Куда, ур-р-род?! В очередь!!! Не тронь, мое!» Бросив взгляд за окно, Даша увидела, что люди сгрудились у скамейки. На нее выложили все запасы продовольствия, какие удалось найти. Еду пытались делить поровну, но кто-то норовил пролезть вне очереди или отнять чужое. Метались тени, плакали дети, ругались взрослые. Происходящее на станции все больше походило на агонию.

– А теперь подумай, что будет, когда все кончится, – продолжал обходчик, отступая на шаг. – Когда сядут аккумуляторы поезда. Когда будут съедены последние крошки.

– Придут спасатели! – закричала в ответ Даша. На глаза ее навернулись слезы.

Умом она поняла давно: если к ним до сих пор никто не спустился, а прошло уже не меньше суток, значит, вероятность спасения невелика. Но сердцем принять ужасную истину она не могла. Все ее существо восставало против этой истины.

– Не придут! – оборвал ее Кондрат Филиппович. – Никто не придет. Ты не дура, ты понимаешь это. Так вот, представь, что тогда будет. У тебя молодой голос. Ты юна. Наверняка хороша собой.

– Вам-то откуда знать?! – скривилась Дарья.

– А разница есть? – жестко отозвался слепой. – Когда начнут насиловать женщин... А это начнется, и очень скоро. Если уже не началось... Так вот, когда это начнется, никого не будет волновать, красива ты или нет. Подойдут и возьмут.

– Пусть попробуют, – сжала Дарья кулаки.

– Ну-ну. Это ты попробуй подраться с дюжиной крепких мужиков. Удачи.

На это девушка не нашлась, что ответить. В самом деле, среди запертых в подземелье было немало мужчин. И некоторые давно уже засматривались на Дашу.

По ней было видно, что девушка она крепкая, боевая. К тому же недавно, когда трое хулиганов, доставшие за последние часы всех, подошли «познакомиться» и стали домогаться ее, за Дашу заступился Николай Степанович, один из немногих людей, пытавшихся организовать в метро порядок.

– Но это только начало. Мелочи. Потом станет ясно, что ни еды, ни воды взять неоткуда. Тогда падут все табу, все запреты, и люди мигом забудут, что такое цивилизация. Тогда твое молодое, полное жизни тело станет уже не игрушкой, о нет. Оно станет пищей, Даша. Пищей. Его разорвут на куски, чтобы насытиться.

– Нет! – закричала Даша.

– Да, – отвечал Кондрат Филиппович.

– Нет!!! – завизжала она еще громче.

– Да! – слепой в первый раз перешел на крик.

Даша попыталась заткнуть уши, но голос старика проникал, казалось, всюду. Он заполнил воздух, он вытеснил все прочие шумы, он заставлял тело и душу Дарьи трепетать и сжиматься в комок от ужаса и дурноты.

– Но возможно и иное. Ты сама съешь кого-то. Своими руками убьешь другого человека. А потом еще одного...

– Хватит! Довольно! – завопила Даша. Она упала на колени, сжимая руками пульсирующую от боли голову, едва сдерживая рвущуюся наружу рвоту.

Несколько минут тело ее сотрясали судороги.

Потом Даша перестала стонать и рычать сквозь стиснутые зубы.

И тогда на плечо ее медленно опустилась сильная теплая ладонь слепого обходчика. От этого прикосновения спазмы, душившие девушку, как-то сразу улеглись, дыхание выровнялось.

– Но есть другой путь, – все тем же ровным, величественным, как полноводная река, голосом продолжал говорить Кондрат Филиппович. – Ты можешь пойти с нами. В пещеры. Я выбрал тебя потому, что чувствую в тебе силу, Даша. Ты умеешь драться, но не это главное. Ты из тех, кто борется до конца. Мне нужны именно такие.

– Мне и семнадцати нет, я мелкая еще, – прошептала Даша сквозь слезы.

– Не имеет значения. Сильным можно быть в любом возрасте. Дальше. Я не обещаю, что ты выживешь. Жизнь в пещерах будет кошмаром. Придется есть мокриц и улиток, а на десерт – тритонов. И то если поймает. Но пещеры – это шанс. Один из тысячи, из миллиона, но шанс. А тут... Тут ты обречена. Но я вижу: силком тебя не уведешь, поэтому спрашиваю в последний раз: ты с нами?

Даша подняла мокрое от слез лицо и прошептала, глядя в пустые глазницы обходчика:

– Я с вами!

– Чудесно, – выдохнул Кондрат Филиппович.

Суровое, покрытое морщинами лицо старика озарила улыбка.

В этот момент в вагон с грохотом ввалилось несколько человек.

Трое пацанов лет двадцати, высокие, сильные, стремительно шагали в их сторону из дальнего конца вагона. От одного взгляда каждого из них Дашу давно уже тянуло помыться. И вот – драгоценное время ушло. Они пришли за ней.

– Вон она! Цыпа-цыпа-цыпа! – кричал один, глумливо хохоча.

– Эй, красотка! Соскучилась?! Мы пришли! – орал второй.

– А ты, дед, вали отсюда! Вали, кому сказано! – с угрозой ревел третий.

Даша быстро оценила обстановку. Ситуация выходила паршивая. Старик не лыком шит, но он слеп. Ее мышцы затекли от холода и долгого лежания в позе эмбриона. Шансов отбиться мало.

Подонки уже преодолели почти весь вагон. Им оставалось пройти считанные метры. Даша сжала кулаки, готовясь к жестокой схватке.

И тут слепой старик вдруг отрывисто свистнул.

Что случилось дальше – Даша толком не успела понять. Отовсюду, из дверей и окон вагона на пацанов обрушился град камней.

Несостоявшиеся насильники заметались по тесному, узкому вагону, наталкиваясь друг на друга, дико крича, пытаясь заслонить головы руками.

Тщетно. Сначала упал один, то ли оглушенный, то ли убитый.

За ним второй.

Лишь третий сумел увернуться.

Рыча, как дикий зверь, с лицом, искаженным яростью, ринулся он на слепого обходчика.

– Я помогу! – взвизгнула Даша, срываясь с места.

Ее помощь не понадобилась. Кондрат Филиппович сделал молниеносный выпад, ловко подставил подножку идущему в атаку противнику, и еще прежде, чем тот упал, ребром ладони ударил юношу по шее.

Парень рухнул навзничь и больше не шевелился.

– Господи... – пролепетала Даша.

Машинально нащупав опору, она прислонилась к поручню. Никогда, ни разу в жизни не приходилось ей видеть, чтобы так легко, спокойно, хладнокровно убивали людей. Одним движением обрывали чужую жизнь. Слепой сделал это так, словно для него убийство людей было обычным, привычным занятием. Это было страшно.

В вагон вбежало несколько человек. Они все были одеты кто в свитер, кто в рубашку. У всех имелись брюки, нормальная обувь. Люди, занятые дележкой еды, судя по всему, не обратили на схватку внимания.

– Готовы? – спросила Ханифа, молодая женщина, раньше работавшая в пещерах гидом. Она отдала кому-то форменную куртку, осталась только в вязаной кофте. В отличие от остальных, друзья слепого обходчика делились друг с другом нужными вещами.

– Всегда готовы, – отозвался Кондрат Филиппович. – Уходим.

– Нет. Эти готовы? – покосилась Ханифа на распростертые на полу тела.

– Какая разница, – отмахнулся слепой. – Даже если кто-то жив, недолго им осталось.

Ханифа понимающе кивнула и выбежала из поезда, подгоняя своих товарищей:

– В пещеры, быстро, быстро!

Кондрат Филиппович же, не оборачиваясь, спросил Дашу:

– Так ты идешь?

– Иду... – вымолвила девушка, едва открывая рот.

Старик резко схватил ее за руку и потянул за собой.

«Пещерный» отряд покинул станцию.

Небольшой пяточок, освещенный фонарями поезда, остался позади. Мрак поглотил очертания предметов. Стали тише крики и ругань. Они звучали теперь приглушенно, издалека. На смену ровным, гладким плитам пришли сырые, острые камни.

Даша потеряла босоножки еще в поезде, и теперь ей оставалось лишь морщиться, наступая на острые выступы.

Остановиться она не смогла бы при всем желании: загадочный слепой обходчик, взявший в свои руки ее жизнь, вел Дашу дальше и дальше сквозь пучины беспросветного мрака. Как ухитрялся он находить дорогу в темноте? Этого понять Даша Кружевницына не могла. Она и не пыталась. Она просто послушно следовала за своим провожатым.

Наконец слепой старик, тащивший ее за руку все это время, остановился. Шаги других людей, раздававшиеся вокруг, тоже стихли.

– Привал? – раздался чей-то голос. Неестественно громко звучала тут человеческая речь.

– Да, передохнем тут, – отвечал Кондрат Филиппович. – А потом... Фух. Потом двинем в зал Нарта.

Каждое слово, словно передразнивая, повторяло эхо.

Кондрат Филиппович тяжело дышал. Марш-бросок через пещеры дался пожилому мужчине нелегко.

– Где мы? – спросила девушка.

Она нащупала ровную площадку. Пол оказался не просто холодным – ледяным. Даша застонала сквозь зубы.

«Так воспаление легких заработать недолго», – подумала она, ежась.

Ноги, сбитые в кровь, ужасно болели. Мороз пробирал до костей. Мрак, окружавший девушку, казался каким-то слишком темным. Неестественно темным. Даша прикусила язык, не дав ни слову жалобы сорваться с губ. Она понимала: остальным сейчас не легче.

– В Музыкальном зале.

– Але... Але... – повторили голоса на голове Даши. На короткий миг ей показалось, что это вовсе не эхо, а живые существа, ловящие звук человеческого голоса и повторяющие последние слоги.

Вот они, лохматые твари с большими ушами и когтистыми лапами. Они висят на потолке прямо над ними. Пасти их распахнуты и в них торчат кривые клыки. Сейчас они просто смеются над людьми, дразнят их. Но что захотят сделать пересмешники потом?

Даша насилу отогнала наваждение.

– Нет. Вообще. Это место. Где мы?

– Ты еще не поняла? – усмехнулась Ханифа из-за спины девушки. – Ты в пещерах, дорогуша. Мы теперь homo troglodytes. Иначе говоря, пещерники, хе-хе. Что, непривычно без света-то, во мраке? Привыкай. Это теперь твой дом.

– Мой дом, – повторила шепотом Даша.

– Ом... Ом... – пропели пересмешники у нее над головой.

Кондрат Филиппович не сильно ошибся в расчетах.

Первого человека в метро съели на следующий день.

На станции, откуда до этого долетали душераздирающие звуки: плач и ругань, проклятия и стенания голодающих, – наступила вдруг пугающая тишина.

– Замолчали? Значит, жуют, – коротко резюмировал слепой обходчик, – скоро и до нас доберутся. Пора принимать меры.

И меры были приняты.

* * *

Афанасий вжался в скалу.

Затаился.

Затих.

Окаменел.

Дыхание его сделалось едва заметным, сердце в груди не билось, а лишь слегка постукивало. Афанасий не сомневался: даже пройдя совсем рядом, враги не заметят его. А вот он их не пропустит.

Незаметность – его главный козырь. Враги, которых поджидал Афанасий, в пещерах чувствовали себя неуверенно, издавали слишком много шума. Они падали, спотыкались, натыкались на острые камни и наросты, скользили на сырой глине. Людоеды только-только вошли в пещеру, а мальчик уже слышал шорох их шагов, приглушенный шепот, чувствовал едва уловимую вибрацию пола.

«Их двое. Нет, трое, – прикидывал Афоня, внимательно прислушиваясь. – Ерунда. Бывало хуже».

Кто-то зашипел, и шепот прекратился. Но шаги все равно были отлично слышны.

Да мало ли звуков издают в крошечной тьме люди, не умеющие подкрадываться незаметно.

Кто-то выругается сквозь зубы, наступив на острый камень. Кто-то переложит оружие из одной руки в другую. Кто-то остановится, чтобы прощупать дорогу. Зал Анакопия весь изрезан расщелинами и трещинами; отовсюду торчат каменные выступы; влажность запредельная, поэтому везде вода. Пройти нелегко. А бесшумно – вообще невозможно. Еще одна беда людоедов: издают столько шума, что сами становятся, считай, глухими.

А Афанасий все отлично слышит. И его друзья, притаившиеся вокруг, тоже.

Пещерные люди, занявшие оборону в самом удобном месте, в узкой горловине извилистого каньона, ничем не выдавали своего присутствия. Даже Афанасий не слышал ни единого звука. В какой-то момент мальчик похолодел от ужаса, решив, что соплеменники покинули свои укрытия и бесшумно отступили, оставив его одного. Крупные капли пота выступили на лбу Афони, тело свела судорога. Но мальчик сумел справиться с охватившей его паникой.

– Они тут. Все тут, – убедил он себя. – Я не один. Я не один.

Стоило отдать должное каннибалам: они старались соблюдать осторожность. Первые атаки нелюди даже не пытались организовывать. Просто кидались толпой в пещеру, надеясь взять числом. Толку от этих нападений было мало.

Племя быстро поняло, что преимущество на их стороне.

В их распоряжении были просторные залы, поросшие мхом, съедобными грибами и плесенью, которую можно было есть хоть и без удовольствия, но и без опасности отравиться. Вода в озерах оказалась не только пригодной для питья, но и насыщенной минеральными солями, к тому же там водилась рыба. Имелись и горячие источники, на берегах которых грелось племя. А еще тут жили летучие мыши, попавшие, как и люди, в ловушку после случившейся Катастрофы. И улитки, и жучки, и мокрицы, и всякая другая живность, которой хватало, чтобы прокормить три десятка человек.

Каннибалам, засевшим на станциях подземной железной дороги, некуда было деваться. Вырваться из подземелья они не могли, еда давно кончилась. Оставалось либо жрать друг друга, либо совершать набеги на пещеры. К несчастью для людоедов, изнывающих от голода, жажды, холода и болезней, пещерное племя не имело желания становиться кормом.

Пещерные заблокировали оба зала, Апсны и Анакопия. На каждом шагу приготовили они смертоносные ловушки для пожирателей плоти; завалили камнями все проходы; устроили удобные укрытия, где можно было подстергать врагов.

Полностью засыпать пещеры камнями, чтобы наглухо отрезать метро от пещерного мира и забыть про опасность, оказалось невозможно – не хватило ни камней, ни сил. Слепой обходчик, возглавивший племя, говорил, что так даже лучше. Нельзя было ни на миг расслабиться, это держало людей в тонусе. И пока одни дежурили, другие в глубине пещер искали пропитание для себя и для товарищей.

Тогда людоеды стали хитрее.

Они старались похищать пещерных по одному. Заставали врасплох, хватали и уносили на станции. Кондрат Филиппович распорядился, чтобы его люди шага не делали в одиночку.

Каннибалы наносили удары одновременно с обеих сторон. Или, атаковав в зале Апсны и дождавшись, когда пещерные усилят там оборону, наносили второй удар в зале Анакопия. Или шли в бой непрерывно. Тогда вождь бросал на передовую всех до единого, и сам, вооружившись увесистым валуном, бился наравне с молодыми товарищами.

Стенка на стенку сходились в узких темных каньонах люди и нелюди. В крошечной тьме, среди скал и расщелин дрались они. Бились отчаянно, ожесточенно. Без жалости. Без пощады. До последнего вздоха. Наносили удары, пока хватало сил сделать хоть движение.

Пленных не было. Были только убитые и съеденные. Но вторых меньше.

Пещерный народ отлично понимал, что им грозит. Идя в бой, каждый понимал, что лучше погибнуть, чем попасть в чей-то желудок. Все они, даже те, кто раньше мухи бы не обидел, становились зверями. Или гибли. Третьего было не дано.

Каннибалов гнал вперед страшный, невыносимый голод. Обезумевшие, почти лишившиеся даже дара речи, как дикие звери кидались они на своих более везучих собратьев. И гибли один за другим. А если им удавалось повалить кого-то, то тут же, прямо в пылу схватки, вгрызались зубами в еще теплую плоть.

Так продолжалось несколько дней.

Затем натиск стал слабеть.

Племя смогло вздохнуть спокойнее.

Людоедов, видимо, осталось очень мало. У них уже не хватало сил для нападений. Масированные атаки вообще прекратились.

Расслабляться, однако, было нельзя.

Вот и сейчас Афанасий внимательно прислушивался к шагам незваных гостей. Главное: пропустить врага немного дальше, чтобы он думал, что сзади никого нет. А потом – ударить в спину.

– Разве это не подло? – спросила как-то раз Даша Кружевница. Она в прошлой жизни изучала какую-то восточную борьбу, поэтому смириться с простой и страшной философией выживания, исключавшей благородство, Даше было не так-то легко.

– Подло, – согласился Афоня, – но эффективно...

Мальчик дождался удобного момента, глубоко вздохнул, стараясь унять лишнее волнение. А потом вскочил и отточенным движением запустил камень туда, где, по его прикидкам, должна была быть голова одного из людоедов.

И еще прежде, чем он услышал звук удара, Афанасий кинулся на спину врага, повалил его на пол, вцепился обеими руками в волосы нелюдя и стал бить лбом о камень. Раз, второй, третий. До тех пор, пока враг под ним не затих.

«Вот ты и убил еще одного человека, Афоня», – сказал себе мальчик.

Ни радости, ни печали по этому поводу он не испытывал. Еще недавно он способен был ужасаться, пытался искать оправдание тому, что делал. Или плакал и молил Бога о прощении. Или просто лежал в углу, сжавшись в комок, подавленный осознанием того, какой тяжкий грех совершил.

Теперь Афанасий убивал спокойно, почти равнодушно.

То ли душа его очерствела, то ли совесть охрипла, то ли Афоня просто привык. Привык к жизни во мраке, к слизнякам на завтрак, обед и ужин. К ежедневным побоищам. Многие сломались. Многие не выдержали. А он – привык.

Афанасий вскочил на ноги.

Схватка кончилась. Незваные гости были забиты насмерть в считанные минуты.

Тут и там раздавались голоса:

– Ты цел?

– Да, а ты как?

Кто-то потирал ушибленные места, кто-то вытирал кровь, кому-то накладывали жгут из остатков одежды. Жизнь на посту снова входила в привычное русло. До следующего нападения.

Афанасий устроился поудобнее на глине. Сидеть или лежать на ней было намного удобнее, чем на камне. Глина хотя бы не высасывала тепло. Он думал немного отдохнуть, подремать. Но почти сразу понял, что это ему не удастся.

Что-то происходило на посту. Из глубины пещеры подходили сюда люди. Много людей. Сначала никто не обратил внимания на шорох шагов. Дело привычное: или смена явилась,

или просто товарищи поболтать пришли. В этот раз, однако, что-то было не так. Люди все прибывали и прибывали. Скоро тут собралось все племя.

– Вы чего, народ? – спросил Проха.

– Идем зачищать станции, – отвечал из темноты Кондрат Филиппович.

Тут же все разговоры смолкли. Те, кто пришли из пещер, знали, что готовится. А вот для постовых новость стала неожиданностью.

– Мы... Идем... Туда? – прошептала Даша, сглотнув.

Афоне тоже стало не по себе. Одно дело драться с врагами в пещерах, где знаком каждый бугорок, каждая трещина, где сами стены помогают. Врываться в логово врага – совсем другое дело.

– Я в осиное гнездо не полезу... – пробормотал кто-то.

Кондрат Филиппович оставил эту реплику без ответа.

– Камнями запастись. На сборы две минуты, – произнес он вроде бы не громко, но таким тоном, что послушаться никто не осмелился.

Что-то гипнотическое было в голосе слепого, Афоня давно это заметил. Или секрет заключался в самой личности Кондрата Филипповича? В трепете, который вызывал у всех людей их таинственный, непостижимый слепой вожак?

Лишь тот же голос проворчал:

– Дед раньше, небось, не обходчиком был, а прапором...

«Это Сева, – догадался Афанасий, – вечно недоволен чем-то, зараза».

Афоня не мог дожидаться, когда Сева, самоуверенный юноша двадцати с лишним лет, поплатится за свой длинный язык, хотя и сам не одобрял идею с зачисткой метро. Он понимал, что каннибалы, загнанные в угол, будут драться, как звери. В то же время вождь был прав. Зачем жить в вечном ожидании нападения, если можно одним ударом покончить с угрозой?

Спустя пару минут двадцать человек, вооруженные камнями, двинулись из пещер в метро.

* * *

У самого входа на станцию, откуда раньше почти всегда слышался шум, а сейчас не доносилось ни звука, Николай Степанович, помощник вождя, долго копался, шуршал тканью куртки. А потом вдруг, вызвав у всего племени восхищенный возглас, достал из кармана небольшой светящийся предмет.

В первый раз за много-много дней пещеры озарил свет.

На миг все забыли о предстоящем сражении, о ранах и вывихах. Забыли обо всем. Они смотрели друг на друга так, словно видели в первый раз в жизни.

– Так вот ты какой... – произнесла Даша, осторожно протягивая руку и нежно глядя по щеке Арса – юношу, с которым они уже давно были больше чем друзья.

– Да, – улыбнулся Арс, – вот я какой. Страшный, да?

Он скорчил рожу.

– Глупости какие! – фыркнула Дарья. – Совсем не страшный. Очень даже милый.

– И ты тоже, – отвечал Арс. И тут же смутился, отвел взгляд. Даже как будто покраснел. Афанасий фыркнул. Люди, говорящие о любви, всегда выглядели в его глазах комично.

– А свет откуда? – спросил Проха. Даже он был до последнего момента не в курсе, откуда взял Николай Степанович для племени свет.

– Светлячки, – отвечал помощник вождя, с гордостью и восторгом глядя на стайку светящихся насекомых, заключенных в стеклянную банку. – Кто бы мог подумать, что тут они водятся...

– Все, – раздался суровый голос слепого обходчика, – не время болтать. За мной.

Станция встретила их гробовой тишиной. Она была покинута. Мертва. Ни одного живого человека, только обглоданные кости повсюду. Много, очень много костей. И бесформенные, размазанные пятна крови.

На путях стоял поезд. Выглядел состав пещерного метро так, словно какой-то великан в припадке безумной ярости крушил и корежил его. Тут и там были видны осколки стекла, выломанные сиденья, вырванные поручни.

В воздухе висел тяжелый неприятный запах. От него начинала кружиться голова, и тошнота подступала к горлу.

– Боже... – пролепетала Наталья, подруга Афони, хватаясь за сердце.

О том, что творилось на станциях все это время, пещерные жители отлично знали. Как бы далеко в глубь карстовой системы ни забирались они, везде слышны были отзвуки леденящих душу воплей, днем и ночью доносившихся из метро.

Но одно дело – слышать крики умирающих, и совсем другое – увидеть последствия пиршеств своими глазами.

Многих замутило. Кто-то крестился и читал молитвы, кто-то плакал.

Лишь Кондрат Филиппович, не видевший того, что творилось вокруг, сохранял спокойствие.

– Осмотреть тут все, – распорядился он. – Вдруг кто-то спрятался.

Николай Степанович со светильником пошел проверять дальние углы. Тьма сгустилась вокруг пещерного отряда, и Афанасию стало не по себе. Казалось, души убитых здесь людей кружатся вокруг него, протягивают призрачные руки в немой мольбе, вопрошая: «За что? За что?»

Ледяные пальцы духов касались кожи Афанасия, стискивали его запястья, сдавливали горло. Казалось, сама тьма шевелится, ворочается, как медведь в берлоге. Тьма словно бы жила своей собственной жизнью...

Афанасий встряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение. Не помогло.

– Ты тоже это видишь? – спросила Наташа свистящим шепотом.

– Да... – шепнул мальчик. Уточнять, что видит Ната, он на всякий случай не стал.

– Тогда повторяй за мной: огради меня, Господи.

– Огради меня, Господи... – повторил Афанасий.

– Силою честного и животворящего Твоего креста.

– Честного, – поправил ее Афоня.

– Это молитва! Повторяй, как я говорю. Ну?

Афанасий повторил слово в слово.

– И сохрани меня от всякого зла, – закончила молитву Ната.

– И сохрани меня от всякого зла, – произнес Афанасий. Легче на душе не стало. Стальной обруч по-прежнему стягивал его голову. Но и страх немного улегся.

«Какие, на фиг, призраки? – посмеялся над собой мальчик. – Тьфу. Хватит накручивать себя. А молитва в самом деле помогает. Помогает душу успокоить. Надо будет запомнить ее...»

Наконец осмотр станции был окончен. Как уже и так стало всем давно ясно, людей тут не осталось.

– Может, вернемся? А? – проговорил Сева, мигом растерявший здесь, на вымершей станции, всю спесь и всю надменность.

– Разговорчики. На вторую станцию – живо! – последовал резкий ответ Кондрата Филипповича.

– Но ведь и так ясно!.. Ведь все ясно, а, народ? – завертел Сева головой в поисках поддержки.

Никто не ответил ему.

Притихшие, угрюмые люди двинулись на станцию «Зал Апсны».

Гробовая тишина царила в туннеле. Ни звука не доносилось оттуда. Только уныло, монотонно капала с потолка вода.

Холодные капли, падая людям на головы, плечи, спины, заставляли их ежиться, вздрагивать.

Кап. Кап. Кап.

* * *

«Как мы будем здесь жить? Как?!» – этот вопрос задавала себе Даша сотни раз подряд.

Ледяное безмолвие окружало людей. На каждом шагу подстерегали либо обвалы, либо ущелья. В любой момент, всего лишь сделав неудачное движение, можно было распрощаться с жизнью. И это еще был не самый худший расклад...

Пока шла война с каннибалами, все мысли людей были сосредоточены только на том, как бы самим не стать обедом. Конечно, они страдали от голода, холода, сырости. Конечно, неприятно было ходить в грязной, рваной одежде. Но смертельная опасность, исходящая от соседей, отвлекала племя от бытовых проблем.

Теперь опасности не стало, И перед горсткой выживших со всей пугающей ясностью встал вопрос: а надолго ли они сами переживут уничтоженных людоедов?

Вопли и рычание, доносившиеся со станций все эти дни, стихли. Пещеры погрузились в тишину. Эта тишина, которую нарушало лишь печальное «кап-кап», сводила людей с ума. Они начинали ни с того ни с сего шуметь, кричать, топтать ногами. Когда вождь спрашивал сурово, что это за безобразие, слышал в ответ: «Не могу я больше эту тишину проклятую терпеть!»

Страшнее, чем безмолвие, был мрак. Светлячки, которых поймал Николай Степанович, давали ровно столько света, чтобы разогнать тьму на крохотном пятнышке вокруг себя, а дальше клубился чернильный сумрак. Других светлячков пока поймать не удалось. Были люди, которые сутки напролет сидели рядом со светящейся банкой, и отогнать их от нее Кондрат Филиппович не мог даже пинками. Не раз звучало предложение разжечь костер, у кого-то даже нашлись отсыревшие спички, но гореть в пещере, увы, было нечему.

Еще больший ужас вызывал холод, влажный, тягучий, противный холод. Он пробирал до костей, от него некуда было скрыться. Лишь рядом с горячими источниками, которые удалось найти в нескольких залах, удавалось хоть немного согреться. Да еще Кондрат Филиппович заставлял людей постоянно двигаться. Но стоило прилечь вздремнуть – мучения возобновлялись.

Приуныли люди.

Долгожданная победа над лютым врагом не принесла радости.

Да, они победили. Но чем они сами будут питаться? Ведь на одних червяках и рыбе долго не протянешь.

На горизонте замаячил призрак новой волны людоедства. Но уже здесь, в пещерах.

– Господи, Господи, – шептала Даша, стоя на коленях, – что ждет нас впереди? Что дальше? Что нам делать? Что?!

Ночью, когда девушка забывалась коротким, тревожным сном рядом с Арсом, ей снилось, как она шагает по этим же пещерам.

У нее в руках фотоаппарат. На голове – панамка. Она улыбается. С восхищением смотрит по сторонам. В ярком свете прожекторов окружающие ее скалы и ущелья совсем не казались страшными. Даша развлекалась, пытаясь найти в причудливой мешанине наростов и натеков какое-нибудь необычное сочетание. Тут видела она дракона с распахнутой пастью, там – вазу с фруктами, здесь – оленя или гигантское дерево. Путешествие по подземному царству казалось

веселым, безопасным. Но и тогда, когда на душе становилось вдруг тревожно, Даша успокаивала себя тем, что скоро она вернется назад. Туда, где свет, солнце и тепло...

Она открывала глаза. Волшебная сказка рассыпалась на сотни осколков. Перед ней предстала совсем другая сказка. Страшная, жестокая... Правдивая.

Людмила Ивановна, врач по профессии, предрекала племени ужасные страдания: туберкулез кожи, костей и легких; цингу; рахит... Своими предсказаниями доктор нагоняла на людей такой ужас, что Кондрат Филиппович, хотя он и относился к Людмиле Ивановне, спасшей немало жизней, с уважением, не выдержал.

– Слушайте, – сказал он доктору, отведя ее подальше от племени, – я понимаю, то, что вы говорите – правда. Но вы же врач, врач! Вы понимаете, что от ваших предсказаний люди с ума сойдут. Зачем вы им все это рассказываете?

– Я хочу, – произнесла Людмила Ивановна, опустив глаза, – чтобы мы выбрались отсюда...

Кондрат Филиппович промолчал.

Все в пещерах уже знали: путь назад закрыт.

* * *

Когда заточение только начиналось, несколько человек поднимались вверх по туннелю. Они сообщили, что туннель обвалился и пройти там нельзя. Им поверили на слово и больше попыток предпринимать не стали. Тогда казалось, что появление спасателей – вопрос времени.

Уже после окончания войны с каннибалами, когда в помощь сотрудников МЧС перестали верить даже убежденные оптимисты, Кондрат Филиппович, не выдержав давления племени, отправил двоих смельчаков, неразлучных друзей Гошу и Мишу, проверить туннель. Вождь так расщедрился, что даже дал им с собой единственный светильник. Впрочем, сам он не верил, что из пещер удастся выбраться.

– Мне было откровение, – отвечал он на вопросы, откуда берется его уверенность.

И слепой обходчик оказался прав. Гоша и Миша вернулись через два часа. Они разбили лампу и едва сумели найти дорогу назад. Оба кашляли, хрипели, едва держались на ногах. Жаловались на головокружение, жжение и резь в глазах. О том, что с ними приключилось, не говорили.

Людмила Ивановна поставила им диагноз: отравление сероводородом.

Постепенно стало ясно, что ребята не покидали подземелья. Просто увидели, что в одном месте в завале зияет брешь, – видимо, результат работы каннибалов, – и решили продолжить начатый ими труд.

Людмила Ивановна спрашивала, чувствовали ли они запах тухлых яиц, но парни разошлись во мнениях. Они оба мучились насморком, запахи различали с трудом. Миша утверждал, что в глубине лаза в самом деле ощущалась вонь, но Гоша не был в этом уверен.

Сначала все шло нормально. Ребятам удалось вынуть несколько обломков, расширить проход... Гоша всюду фантазировал, как здорово будет прорваться наконец к свету. А потом он вдруг закашлялся. За ним стало дурно и Мише. У ребят хватило ума бросить работу и поспешно отступить обратно в метро. Только это, по словам доктора, их и спасло.

– В легкой форме отравление сероводородом не смертельно, – объясняла она, – завтра уже поправятся. А вот провозились бы они дольше... – она замолчала.

– А откуда взялся сероводород? – поинтересовалась Ханифа.

Людмила Ивановна лишь плечами пожала. Тогда вперед вышел Николай Степанович.

– Из Черного моря, больше неоткуда, – сказал он. – Черное море же потому и «черное», что на дне газ, а жизни нет. Может, он вырвался наружу?

– Возможно, – согласился вождь, – но почему он не проникает в пещеры?

На этот вопрос ответ так и не нашелся. Одно стало ясно: снаружи верная смерть. А вот внутри относительно безопасно.

Оставалась слабая надежда, что можно найти такой выход из пещер, где не будет ядовитого газа. Имелась шахта естественного входа, так называемая «Бездонная яма», через которую когда-то попали в пещеры спелеологи. Ханифа знала и другие трещины, ведущие наверх. Чисто теоретически подняться по ним было можно, однако Кондрат Филиппович даже слышать не хотел об этом.

– Подъем по отвесной скале без снаряжения?! Чушь собачья! – рычал слепой обходчик. – Навернётся оттуда – костей не соберете!

– Жизнь в пещерах – тоже смерть! – кричала в ответ Людмила Ивановна. – Только медленная и мучительная!

Такие перепалки происходили между ними часто. В ответ Кондрат Филиппович отвечал всегда одной загадочной фразой.

– Скоро все изменится, – почти шепотом произносил слепой старик. И лицо его в эти минуты приобретало странное одухотворенное выражение.

– Почему? Почему изменится? – наседали на него. – Откуда вы это знаете?

– Мне было откровение, – отвечал он. И больше не говорил ни слова, сколько его ни истязали расспросами.

– Слушай, вождь, – набросился на Кондрата Афанасий после того, как его подруга Наташа упала и вывихнула ногу. – Я, конечно, верю в твои откровения. Но ты посмотри... Ты послушай! Тут же невозможно жить. Ты понимаешь меня, блин горелый?! Не-воз-мож-но! Мы болеем, мерзнем и голодаем! Скоро начнут зубы выпадать и волосы! А потом вообще этот... Убер Кулез. Что, твою мать, может тут измениться?!

– Изменится все, – коротко ответил ему Кондрат Филиппович.

– А если нет? Если нет?! – психовал Афоня.

– Изменится, – спокойно отвечал ему слепой вождь.

А Ханифа, верная, преданная союзница слепого вождя, прошипела в лицо мальчику:

– А у тебя есть выбор, да?

Эти слова отрезвили Афанасия. Он замолчал, потупился и оставил вождя в покое.

Такие сцены разыгрывались в пещерах каждый день по несколько раз.

Обычно досаду и злость вымещали люди на девочке-людоедке, найденной в туннеле недалеко от станции «Зал Апсны».

Вождь попросил всех людоедов, которых удастся найти живыми, не убивать, а доставлять в пещеры, чтобы заставить работать. Но кроме одной совсем еще маленькой девчушки больше выживших не оказалось.

Маленькую людоедку сначала били. Кондрат Филиппович это строго запретил. Он не раз объяснял соплеменникам, что бедняжка стала людоедкой не по своей воле, что девочка не знала и не понимала, каким мясом кормят ее родители. Слова не трогали людей. Обиды и унижения со всех сторон сыпались на крошечное существо. Она убегала, заливаясь горькими слезами, забивалась в какую-нибудь щель и сидела там до тех пор, пока ее не начинал мучить голод. И все повторялось...

Одним из немногих членов племени, кто не издевался над маленькой людоедкой, была Даша Кружевница. Вообще все, что творилось вокруг, ее не очень волновало. Дарья не жаловалась, не ругалась с вождем, не проклинала пещеры. Впрочем, было у Даши свое, личное горе. На его фоне все остальные проблемы казались девушке пустяковыми.

Во время последнего похода с Арсением приключилась страшная беда. Он лишился дара речи.

* * *

– Арс. Арс... – повторила несколько раз Дарья.

Юноша молчал.

– Арс, ответь! Арс! Ну скажи что-нибудь! – шептала девушка, прижимаясь к возлюбленному.

Арсений не отвечал. И не шевелился. Он застыл, точно изваяние.

– Че с ним такое? – полюбопытствовала Вика.

Даша Вику не любила, считала дурой. Кроме того, Вика всегда умудрялась делать так, чтобы самая тяжелая, неблагодарная работа обходила ее стороной. По этой же причине она оказалась в числе тех немногих, кто остался в пещере, не пошел на «зачистку»... Но сейчас Даша рада была любой компании. Рада была хоть с кем-то поговорить, поделиться своей болью, своим горем.

– Он молчит уже третьи сутки, – продолжала Вика, – воды в рот набрал, что ли?

– Хуже, – коротко отвечала Даша.

«Рассказать ей или нет? – думала Дарья. – Не поймет же все равно. С ее одной извилиной-то. А и хрен бы с ней. Сама же не выдержу. Стошнит еще...»

– И ваще. Че-то с вами не то со всеми. Одни ревут, других рвет постоянно. Так все пещеры скоро в блевотине будут. А главное, молчите, как партизаны. Че там было, а? Ну скажи, Дашка?

И Даша рассказала.

Она говорила ровным, спокойным голосом. Чувствовала: если удастся сохранить эту интонацию, дурно не станет. Уж точно не случится истерика. Даша не изменила голос даже тогда, когда Вика застонала и схватилась за голову.

– ...На первой станции были еще цветочки, – рассказывала Даша, – немного костей, битое стекло... Ерунда. Видимо, три человека, напавшие на наш пост, были последними ее жителями, а их атака – жестом отчаяния. И скажу я тебе, этим повезло. Всем, кто жил там, повезло.

Что на второй станции случилось что-то ужасное, мы поняли, не доходя до нее метров сто. По запаху. А когда оказались на перроне и Николай Степанович встряхнул банку... ну, чтоб поярче светляки светили... Вика... Ты себе и представить не можешь, что мы увидели.

В первый раз Даша вздрогнула от ужаса, но железным усилием воли взяла себя в руки. Голос ее остался бесстрастным:

– Мне повезло – Арс схватил меня и закрыл ладонью глаза. Он не ослаблял хватку, как я ни вырывалась. Я успела увидеть только одно, и то на долю секунды: на станции тут и там лежали расчлененные, разорванные на куски человеческие тела.

– Итить... – выдавила Вика.

– Потом Арс увел меня и вернулся. Вернулся туда. Они решили пойти проверить еще третью, служебную станцию, выше по туннелю...

– Вождь рехнулся, блин! – ахнула Вика. – Мало двух станций, заваленных кишками...

– Я еще тогда заметила, что он молчит. Но не придавала значения. Только вот с тех пор третьи сутки прошли. А он все молчит. Видит Бог, я не знаю, что они там увидели. Я не знаю, с чем они столкнулись. Не знаю. И никто не знает. Их было трое. Все трое молчат.

И еще. Видишь, какого цвета у него волосы?

– Издеваешься? Я и тебя-то не вижу почти.

– Они седые, Вика. Се-ды-е.

Вика издала булькающий звук и больше не смогла произнести ни слова.

А Даша калачиком свернулась у ног возлюбленного, повторяя снова и снова:

– Арс. Арс. Арс.

* * *

Маленькая чумазая девочка подползла к Даше. На глазах малышки стояли слезы. Ее, видимо, снова кто-то пнул или толкнул. Девочка не смела приблизиться к Даше и Арсу, она лишь села в двух шагах от них. Отовсюду гонимая, всеми презираемая, девочка чувствовала: только тут, рядом с Дарьей, она в безопасности. Пусть она не увидит тут ласки, но хотя бы не получит тумаков.

Какое-то время никто не шевелился. Арс сидел, закрыв глаза, напоминая статую; Даша плакала, положив голову ему на колени; худая маленькая девочка, одетая в рванье, тихо сидела рядом. Потом Даша вытерла слезы. Приподнялась.

– Иди сюда, – позвала она маленькую людоедку.

Девочка не сдвинулась с места. Или не услышала, или не поверила. За все эти дни Дарья в первый раз заговорила с ней.

– Иди сюда, – повторила Даша, – не бойся.

Малышка подобралась поближе, не спуская с Даши глаз, в которых тревога мешалась с робкой надеждой. Видя, что ребенок робеет, Даша сама сделала шаг навстречу девочке.

– Тебя опять ударили? – спросила Даша.

Малышка кивнула. Шмыгнула носом. Поднесла к глазам маленькие кулачки. Но Дарья резким движением схватила ее за плечи. Встряхнула. Потом притянула к себе и проговорила, глядя в глаза маленькой людоедке:

– Хватит слез. Мы обе достаточно плакали. Довольно. Мы должны быть сильными. Понимаешь? Нам тяжело. Не знаю, кому хуже. Но мы живы. Живы, ты слышишь? Значит, надо цепляться за жизнь. Ты согласна?

Девочка кивнула.

– А для этого надо быть сильными. И надо забыть. Забыть все, что было раньше. Все забыть. Я научу тебя. Научу драться. Научу держать удар. А сейчас ложись ко мне на колени. Согреешься хоть. Вот так. Вот, молодец.

И Даша, сняв с плеч рваную грязную куртку, укрыла ею девочку.

– Ой, я не могу. Даша в ангела поиграть решила. Тебе это на хрен нужно? – раздался из темноты голос Вики.

В ответ Дарья, не целясь, метнула через плечо небольшой, но увесистый камень. Вика испуганно вскрикнула и убежала.

С победной улыбкой на лице Даша погрузилась в крепкий сон.

Тихо было в пещере.

Спали люди. Молчаливые каменные громады, величественные, как само время, высились вокруг них.

Светлячки, облепившие сталактит, излучали мягкое сияние. Они прилетели сами, никто не ловил их. Прилетели и расселись именно там, где это было нужно людям.

В зале Апсны, где ночевало племя, медленно теплело. Пока лишь на доли градуса; этого никто не чувствовал и не замечал. Но с каждым часом температура росла.

– Это че, вулкан просыпается?! – спросила, открывая глаза, Вика.

– Нет. Сбываются мои обещания, – отвечал дрожащим от радостного волнения голосом слепой вождь.

И в первый раз за все время, что знали его люди, Кондрат Филиппович засмеялся.

Глава 8

Племя

Фух. Вроде все уснули. От меня наконец-то отстали.

Наступила ночь. Пещера погрузилась в тишину, и я тут же уснул сном младенца. Закрыв глаза – и отключился.

Но стоило проснуться, как в голове опять начали вертеться стаи настырных вопросов. Нет от них спасения! Лезут вперед, толкаются локтями, кричат, кто во что горазд. Птичий базар, я не могу! Ничего, скоро мы на вас найдем ответы. На всех хватит.

Я лежу в полумраке на подстилке из мха.

С силами собрался, пришло время собраться и с мыслями. Сгрести в одну кучку все, что я знаю.

Меня зовут Герман. Герман Буданов. Я не знаю о себе практически ничего. Это плохо. Моя память, если верить словам Лады, словно бы была частично стерта. Как же это назвал вождь? Какое было слово?

М-да, с памятью у меня, в самом деле, беда.

Амнезия, вот. И это тоже очень плохо. Тяжело жить, не зная, кто ты и откуда. Зато те ужасы, которые мне поведала эта самая Лада, оказались выдумкой. И это – хорошо. Быть убитым и съеденным мне не грозит, хе-хе.

Вообще, люди, в кругу которых я оказался, производят довольно приятное впечатление. Они веселые, дружные, гостеприимные. Накормили, помогли избавиться от вонючей грязной одежды...

Ну да, сначала едва не разорвали на куски, а потом заперли в темницу. Еще и в голове моей покопались. Не очень вежливо так встречать гостей. Но я их понимаю. Как бы я сам повел себя на их месте?

История о миротворцах, судя по всему, чистая правда. За исключением одной детали: не каннибалов убивали эти ребята. Они уничтожали братьев и сестер, друзей и товарищей этих людей. Едва заподозрив, что ублюдки возвращаются, я бы принял все мыслимые меры предосторожности. Что они и сделали. Молодцы!

Читать чужие мысли, конечно, нехорошо. Но если бы девушка-медиум не умела читать мысли, плачевна была бы моя участь. Ведь ее слова – единственное доказательство того, что я не миротворец. Съесть – не съели бы, но убили бы точно. На всякий случай.

Итак, я жив. К тому же жизнь моя вне опасности. Уже это одно – повод для радости. Кроме того, я наелся и выспался. Пенять на судьбу глупо.

Есть ли какие-то варианты того, кто я такой? Есть.

Пещерные считают меня космонавтом. Или водолазом. Или спасателем. Но первый вариант – вероятнее.

Космонавт.

Кос. Мо. Навт.

Когда это слово прозвучало из уст вождя в первый раз, у меня не возникло никаких ассоциаций. Потом на периферии сознания начали мелькать нестройные, обрывочные образы. Что-то связанное с полетами. Полетами куда-то очень высоко и очень далеко. Я видел золотистые искорки на иссиня-черном фоне. Видел огненные струи, их извергало странное сооружение в форме конуса. Что-то похожее нарисовано на моей одежде.

Мой костюм – главное доказательство того, что их догадка верна. Там есть загадочная надпись: «Проект “Пеликан”». Смысл этих слов не ясен ни мне, ни местным жителям. А вот буквы «Р.К.А» с нашивки вождь расшифровал. По его мнению, это значит: «Российское кос-

мическое агентство». Правда, его супруга, женщина удивительной красоты и, судя по всему, неглупая, заметила на это:

– Перевод может быть и другой. Например... Ну, не знаю... «Региональная кавказская армия».

Остальные члены племени покосились с подозрением. Многие все еще подозревают, что я отношусь к тем самым миротворцам.

– Какая, на фиг, региональная армия?! Не говори ерунды, – осадил Афанасий жену. – А как же эмблема с ракетой? И трубки подачи кислорода? И приборы? Он – космонавт! – решительно поставил вождь точку в споре. – Вопрос лишь, как он сюда попал. И зачем.

С этими словами он повернулся в мою сторону. Племя последовало его примеру. Все взгляды сосредоточились на мне.

Неприятный был момент.

Меня несколько раз спрашивали, чем кончилась война. Спрашивали, глядя в глаза, не скрывая волнения, с надеждой: «Ну как война-то? Кончилась? Кто победил? Кто проиграл?»

Спрашивали, как там, снаружи; что изменилось на земле за последние годы.

Много было вопросов.

Что я мог сказать в ответ? Ничего.

Я ничего и не сказал. Решил, что лучше помалкивать. И они оставили меня в покое. Разошлись, тяжело вздыхая. Кто-то даже украдкой вытирал слезы. Разочарование – очень неприятная вещь.

Я же понял главное: эти люди полностью изолированы от внешнего мира. Заперты в этих пещерах, как в огромной темнице.

Как, почему?

На эти вопросы должна ответить девушка, которую приставил ко мне вождь. Вон она, сидит рядом. Тоже проснулась уже и ждет, когда я вылезу из спальной ямки. Как, он сказал, ее зовут? Маша, кажется.

Полежу еще пару минут, соберусь с силами... И начнем. Вопросов накопилось слишком много. Их столько, что мой мозг, чувствую, скоро взорвется. Пора найти ответы хотя бы на некоторые.

* * *

– Так вы не едите людей? Вообще не едите? – в который раз спрашиваю я Марию.

– Нет-нет, – отвечает она устало, – вообще не едим. Ни по праздникам, ни по выходным. А в глазах девушки читаю: «Еще раз спросишь про это – точно съем!»

Да, я веду себя глупо. Но никакого другого способа выяснить, в чем они лгут, а в чем нет, просто не пришло в голову. Поэтому я снова и снова задаю одни и те же вопросы разным людям, стараясь подловить их на мелких ошибках.

Пока безрезультатно.

Эта скромная, молчаливая девушка, не красавица, но и не сказать, чтоб дурнушка, обладает ангельским терпением. Она каждый раз отвечает вежливо, спокойно, хотя уже без прежнего энтузиазма. Видно, что Марии этот допрос с пристрастием ужасно надоел. Но у меня в голове до сих пор не укладывается, как могут люди нормально существовать в таких адских условиях.

Да, возможностей убить меня и пустить на жаркое у дикарей было предостаточно. Особенно когда я, избавившись от осточертевшего костюма и тщательно вымывшись, спал сном младенца. Если по-честному, то я понимаю: желай они мне зла, я бы давно отправился на тот свет.

Все это я понимаю. Но ничего не могу с собой поделать. Перестраховываюсь.

Пещера, в которой располагается поселение местных жителей, в первый момент показалась огромной. Не видно было ни дальнего конца, ни потолка, да и стены едва угадывались в полумраке. Лишь спустя какое-то время я понял, что дело в особенности освещения. Столбики, облепленные светлячками, освещают только небольшое пространство вокруг себя. На потолке же и на стенах светлячков нет, поэтому они и теряются во тьме. Необъятные размеры подземного зала оказались иллюзией. Но здесь и так есть, чему подивиться.

Шагая следом за Машей через пещеру, я не устаю восхищаться, встречая на каждом шагу следы многолетней кропотливой работы. Не одно поколение пещерных людей, видимо, потрудилось, чтобы сделать свою жизнь тут более-менее комфортной.

– Пещера называется зал Апсны, – рассказывает Мария. – Это единственное место, где можно жить. В пещере три озера: Голубое, Анатолия и Купель. Первые два – холодные, иногда выходят из берегов. На озеро Анатолия мы ходим рыбачить. Нашу рыбу ты уже имел возможность оценить.

Я молчу. Да, что-то я такое вкусное ел, но ничего не запомнил. Так, запихнул в рот. Еще непонятно, почему озеро названо в честь какого-то Анатолия. Надо будет уточнить.

– Третье – горячее. В центре – почти кипяток. Его здесь до Катаклизма не было, а потом вдруг взяло – и появилось. Если бы не озера, мы бы вымерли, не продержавшись и месяца.

Услышав это, я мрачнею. Озера, которые то появляются, то исчезают, не внушают доверия.

– В озере Голубое мы ловим рачков. Их там несметные полчища. Еще протеев. Ну, это такие пещерные слепые тритоны.

– Да, это многое объясняет, – кривлюсь я. Для меня что тритон, что протей – один черт.

– Скоро будем обедать – полюбуйся, – сухо отвечает она. – Вон там собираем улиток, а вот здесь растут мох и грибы.

– А одежда ваша из чего? Или из кого? – с любопытством спрашиваю я.

На Марии, как и на всех прочих пещерных обитателях, накидка, перетянутая у пояса веревкой, а также юбка ниже колен. На ногах девушки сапожки. Все из одного и того же странного материала, напоминающего шкуры животных.

– Мо-скви-чи, – отвечает Мария, вздрогнув. – Летучие мыши из зала Москва. На них мы время от времени охотимся. Опасные твари.

– Летучие мыши?! – не верю я своим ушам. Как ни странно, про летучих мышей я кое-что сумел вспомнить. Если не ошибаюсь, это маленькие существа, шкура которых уж точно не годится для пошива одежды.

– Сколько же их надо на одну такую куртку...

– О! Ты не видел наших мышек. Но я отвлеклась. Так вот, зал Апсны – единственное место, где, по не вполне понятным причинам, уровень влажности и температура позволяют жить. Все остальные пещеры непригодны для обитания.

– А много их тут, пещер?

– Известных девять.

– А неизвестных?

Маша пожимает плечами:

– Это не удалось выяснить даже исследователям, которые работали в пещерах до Катаклизма. Куда уж нам. Но вообще, – она хитро щурится, – на эту тему лучше к Алексу обратиться. Он у нас специалист по Большим Пещерам.

И хохочет во все горло. Не понял юмора. Да и не тянет меня смеяться. Ситуация выглядит абсурдной. Обитая на краю пещерного мира, в его прихожей, эти люди ничего не знают об этом месте. И не стремятся узнать.

– Там же черт-те что может скрываться, – решаю я поделиться с девушкой своим беспокойством. С опаской оглядываюсь на мрачные тени, что клубятся в дальних закоулках этого

самого обжитого из залов. А ведь в соседних пещерах еще страшнее. И темнее. И холоднее. Бр-р!

– Может, – простодушно улыбается Маша.

Все с ними ясно. Они настолько смирились с опасностью, грозящей из мрака, что перестали бояться. Так сказать, перебоались.

Я сплевываю сквозь зубы и следую за Марией дальше.

И все же должен признать: труд, вложенный племенем в каждый метр зала Апсны, внушает уважение. Вот заботливо выкопанные в глине личные спальные ямки, выложенные мхом и снабженные водоотводами. Вот выдолбленные в скале ступени, ведущие к озеру. Сильное впечатление производит огромный крест, высеченный в скале у входа в пещеру. Это говорит о том, что местные жители исповедуют христианский культ, и еще больше располагает меня к ним. А уж сколько пришлось пещерным людям промучиться, чтобы приручить светлячков, сложно даже представить.

В самом дальнем конце пещеры, там, где обитаемый зал Апсны соединяется с другой пещерой, имеющей странное название «Грузинских Спелеологов», мы видим остатки дороги. Раскрошившиеся бетонные плиты уложены прямо на камни. Во многих местах тропа полностью рассыпалась. Судя по всему, племя за этой дорогой не следует.

Маша про дорогу почти ничего не знает. Плиты эти уложили тут в незапамятные времена для туристов. Живущие в подземелье люди прямоком через пещеры стараются не ходить и тропой не пользуются.

– Опасно, – пояснила Мария, – расщелины, обвалы, камни шаткие. Москвичи опять же. Да и зачем, если есть метро?

Это самое метро – пробитые в толще скалы туннели и станции – поражает меня сильнее всего.

«Сколько труда, сколько усилий нужно, чтобы это построить! – восхищался я первое время. – Просто немыслимо!»

Но чем больше я размышляю, кому и зачем могло понадобиться строить эту железную дорогу, точнее, метро, тем сильнее становятся мои опасения. Объяснения Маши лишь укрепляют уверенность: что-то тут нечисто.

– Разумеется, это не наша работа! – мое предположение вызывает у Маши смех. – Это метро давным-давно тут построили.

– Зачем?

– А просто так.

– Просто так?

– Просто так. Туристов развлекать. И когда все случилось, большая группа посетителей как раз находилась в пещерах с экскурсией... Но об этом я как-нибудь потом расскажу, сейчас предлагаю пойти взглянуть на нашу мастерскую.

А мне уже все равно. Хоть куда. Мне не нравится это место.

И эти люди тоже. Надо уносить отсюда ноги, вот что. Решить бы еще, куда...

Кто бы мог подумать, что «мастерской» окажется та самая станция, залитая кровью и заваленная костями!

На узкой платформе сидит уже знакомый мне молчаливый парень, седой как лунь, на строгом лице которого я ни разу не видел улыбки. Около него кучками сложены кости. С помощью заостренных камней парень продельвает с костями какие-то странные манипуляции: задумчиво вертит в руке, потом обтачивает, сверлит, шлифует, снова вертит...

Меня слегка замутило.

– Что он делает? – шепотом спрашиваю Машу, с трудом унимая тошноту.

Девушка улыбается, берет в руки какой-то странный предмет, подносит к губам.

И, как бы противно мне ни было еще секунду назад, сейчас я застываю на месте, очарованный...

* * *

Мария Острикова выделялась на фоне остальных пещерных жителей в первую очередь тем, что вообще ничем не выделялась. Не блистала она ни яркой внешностью, ни цепким умом, ни какими-то особыми дарованиями. О многом говорила и прилипшая к Маше кличка – Мышка. Кличка меткая, это признавала и сама Маша. Обижаться девушка и не думала: из всех вариантов кличек, которыми награждали ее в племени много лет, Мышка была самой нейтральной. Называли ее и по-другому...

Одно лишь обстоятельство делало Машу особенной. Она была одинока.

У всех членов крохотного племени кто-то был. У вождя племени – полноценная семья: красавица жена Наталья и мудрый не по годам сын Федька. Кондрату, духовному наставнику и учителю племени, скрашивала старость спутница всей жизни Ханифа. Сестры-близняшки, хохотушка Рада и молчунья Лада, которых в шутку называли «Инь и Янь», связали свои жизни с Алексом и Прохой. Даша и Арс, хотя и казались полными друг другу противоположностями, тоже жили вместе счастливо.

Одна Мышка была одна, сама по себе. Словно кошка из сказки Киплинга, которую любил пересказывать племени перед сном Кондрат Филиппович.

Не явились бы сюда пятнадцать лет назад миротворцы, да не выкосил бы племя зловеший Зов, заставлявший людей уходить в темноту, да не будь в ее жизни одного обстоятельства, отталкивающего от Марии всех людей, возможно, судьба девушки сложилась бы иначе.

Жизнь Мышки скрашивала только маленькая рыжая кошка, оставшаяся от веселого доброго старичка Николая Степановича. Прабабушку этой кошки взял с собой на экскурсию в пещеры кто-то из туристов. И уже после того, как люди оказались в заточении, кошка окотилась. Из того выводка выжило два котенка – остальных съели каннибалы, эти же оказались проворнее. Они и дали начало новой «семье». Но вида «кошка пещерная» не возникло. В живых остался один-единственный котенок. Николай Степанович вырастил его (потом оказалось – все же ее), назвал Рыжкой. Ну а после смерти старичка Рыжка перешла к Маше. Кошка тоже попалась Мышке с характером. То трется, ласкается, вертится вокруг, мяукает, а то вдруг убежит и бродит где-то по своим делам.

– Совсем как я, – говорила Маша, глядя на кошку.

Иногда, очень редко, когда на душе у Мышки становилось совсем тяжело, она уходила далеко-далеко, в Храм. Так называли еще до Катастрофы часть зала Москва, очертаниями напоминающая церковь. Там она падала на колени и долго-долго молилась, глотая слезы. Это приносило Маше утешение. В остальные же дни одно спасение было у нее: работа, работа и еще раз работа. Ей и отдавала Маша всю себя.

А уж обязанностей в пещерах хватало на всех. Вождь буквально не давал им ни минуты отдыха: спорт – учеба – труд. Повторить сто раз. В праздники: танцы, спектакли, музыка, песни. Одним словом, праздники без праздности. Никакой пощады ни мозгам, ни телам.

Остальные иногда ворчали, а Мышку все устраивало.

Проснувшись в то утро, как обычно, за несколько минут до общей побудки, Мария сразу поняла: сегодняшний день будет особенным.

Она отлично знала, что такое едва ли возможно в их племени. Каждый человек выполнял с десятков важных обязанностей – только успевай крутиться. Знала, что после утренней разминки, общей молитвы и завтрака ее и остальную молодежь ждет урок Кондрата Филипповича, во время которого Марии придется ломать язык и голову, выговаривая и запоминая

ужасные слова типа «интернет» или «университет». Потом ей придется час, а то и два разучивать новые мелодии на костяной свирели. Перед обедом – заплыв, и попробуй только пикнуть, что не хочешь лезть в воду. Далее – утомительное, тупое и самое скучное на свете занятие – ловля рачков. Затем – снова занятия в «школе», и так – до самого вечера. После второй общей молитвы все отправятся спать.

Иначе быть не могло. Иначе не бывало. Поблажки давались лишь Наталье, чтобы могла больше времени уделять сыну, и Ладе, которая после экспедиций в потусторонний мир не могла иной раз пальцем пошевелить от усталости. Остальные должны были вкалывать весь день напролет.

Но сегодня Мышка чувствовала: что-то пойдет не так.

Она завтракала, уплетая за обе щеки душистый, аппетитный мох, старательно бормоча: – Те-ле-граф. Те-ле-граф. Теле Граф. В теле граф... Тьфу.

Очередное ужасное слово, которое задал им учить Кондрат Филиппович. Что представлял собой этот загадочный «телеграф», Мария так и не поняла.

– Представьте, что я здесь, а вы – далеко-о-о! Например, у водопада, – объяснял Кондрат, – и вот я стучу камешком о камешек, и вы там все слышите. Представили?

Все дружно кивнули, и Острикова тоже, хотя так и не смогла себе представить, как можно на таком расстоянии услышать стук камешков.

И в тот момент, когда вождь уже открыл рот, чтобы объявить об окончании завтрака. Когда на сытых лицах людей играли умиротворенные улыбки. Когда ничто, казалось, не предвещало беды, случилось то, что Маша ждала и предчувствовала с самого утра.

Неожиданность.

Откуда-то сверху, из туннеля, донесся леденящий душу вопль. Прокатилось раскатистое эхо. Точно заправский жонглер, подземелье ловило звук, играло им, кидало от стены к стене, усиливало, искажало, унося все дальше и дальше, в бездонную пучину мрака.

Наконец страшный крик смолк, но люди так и сидели с недоеденной пищей в руках и в немом изумлении таращились друг на друга. Никто не мог осознать, что произошло. На всех без исключения лицах застыло изумление. Даже Кондрат Филиппович, даже Ханифа, многое повидавшие на своем веку, выглядели озадаченными.

Потом, когда первый шок прошел, все разом зашептались, наперебой обсуждая произошедшее, пытаясь найти какое-то объяснение. Маша в общем споре не участвовала, но внимательно прислушивалась к тому, что говорили другие.

Одни утверждали, что это – обвал, и их тут же поднимали на смех, ведь почти все хоть раз в жизни слышали звук падающих камней. Другие, что так якобы кричат раненые летучие мыши, и над ними тоже потешались. Третьи робко высказывали предположение, что в туннель могло проникнуть нечто извне. Над этой версией смеяться охотников уже не нашлось. Все знали, что за много лет ни одно живое существо не забредало в пещерный мир с поверхности. Если не считать миротворцев. А чем кончилось для племени их нашествие, люди помнили слишком хорошо.

Конец пререканиям положил вождь. Взяв с собой Проху, Алекса и Арса, а также Дашу, он отправился в туннель.

И Мышка воспользовалась неожиданным происшествием, нарушившим строгий распорядок дня, с максимальной пользой: залезла назад в свою спальную ямку и с наслаждением захрапела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.